

Дмитрий Дурнев

Итальянская история

Дмитрий Дурнев
Итальянская история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48448735

ISBN 9785005064141

Аннотация

Главный герой в компании приятеля отправляется в отпуск в Италию, где совершенно неожиданно встречает давних знакомых и попадает в такой любовный многогранник, из которого выбраться ему удастся с трудом и не без потерь. Книга содержит нецензурную брань.

Итальянская история

Дмитрий Дурнев

© Дмитрий Дурнев, 2019

ISBN 978-5-0050-6414-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***

Смотрю я иногда телевизор и, бывает, слышу от разных языкотреплющих дядь и тётъ: «Это твоя жизнь, и ты должен прожить ее так, как хочешь!». И улыбаются они так приятно, и умные все такие на лицо. И правильно всё вроде. И сразу хочется послать всех и вся и начать жить жизнью своей мечты. А это значит, хрен тебе, уважаемый мой однокашник и по совместительству босс Лёха, а не очередной трудовой день, и всем остальным уважаемым и не очень, торчащим на перспективном горизонте, боссам тот же самый корнеплод. Не дождетесь вы от меня теперь ни единого трудового подвига. Займусь-ка я лучше пивасиком, девочками, кабаками, тусовками, массовками и прочей богемой. Вот только не надо кисло-презрительно морщиться, вы же сами сказали, что жить мне нужно, как хочется, или нет? А еще лучше махнуть на какую-нибудь Ривьеру, вот где, наверное, кайф

неподдельный. Но на какие, спрашивается, финансы?? Бабки мне где на проживание счастливой жизни оттопырить, драгоценные вы мои кандидаты и депутаты с душераздирающими улыбками на миллион баксов? И прямо местом одним чую я, что скажете вы мне на этот вопрос: «А не пошел бы ты милый на... работу! Ведь мы же это всё вроде как в том смысле, что живи, как хочешь, но на то, что сможешь выгорбатить на своем рабочем стуле». И съезжусь я от вашего мудрого рентгеновского, насквозь меня, тунейдца и подлюку, просвечивающего взгляда и залепечу: «А я что? Да я ничего...". И пойду на... работу и буду существовать мечтой и пониманием того, что жить мне надо так, как хочется.

Да ведь я и так хожу. Хожу за своей, мозгом и нервами выстраданной, зряплатой. И не потому «зря» платой, что получаю я свои грОши задарма, а потому, что, получая их, понимаю, что жизнь моя зря проходит!

Или не зря, дяди и тёти, а?

Поднимаюсь утром, принимаю какие-то там водные процедуры, чего-то там типа «Нескафе» или еще какой-нибудь дребедени и вперед к новым свершениям – вдоль по пыльным улицам, по Тверской-Ямской, мля... А вокруг люди, машины, спешат все куда-то. Да ясен пень, тоже к свершениям спешит народ, торопится прожить жизнь по своему усмотрению. День ходишь, два ходишь, месяц, год и начинаешь замечать, что люди-то всё одни и те же, лица уже узнаешь, а потом начинаешь запоминать номера и марки машин, физиономии

водителей. Во, блин, снова этот дятел на черном «Москвиче» покатил, а вот «Нива» – та, что месяц назад впилилась в «Мерс» у тебя на глазах. И т. д. и т. п. И тут приходит к тебе понимание того, что весь этот ежедневный геморрой с хождением в конторы, заводы и прочие дома науки и творчества ни к чему, кроме почетно-нищей пенсии, ни тебя, ни кого другого из твоих каждодневных товарищей по трудовому несчастью почему-то не ведет. Все по-прежнему на своих местах, а не на Ривьерах.

И вот, когда ты хромой, полуслепой и чахоточный будешь сидеть со своей аналогичной старухой долгим пенсионным днем перед экраном ТВ, какой-нибудь очередной умница, лапочка и просто добрейшей души человек, улыбочиво сверкая фиксой, скажет тебе: «Живи, братан, в свое удовольствие». Типа, как хочешь...

А, собственно, к чему я всё это? Да ни к чему, прописная истина. А куда деваться-то? Жить надо, кушать хочется, ну и т. п. Просто день сегодня такой, вот и наехало на меня. Чёрти что, а не день! А начинался почти как обычно...

Спросонья долбанул кулаком по озверевшему будильнику, а потом неприлично долго искал его под гардеробом. После обязательных водных процедур добавил тонуса чашечкой кофе, и вот, наконец, она – долгожданная родная моя и ненаглядная перманентно засраная собаками и добропорядочными гражданами улица. Кто там, Блок, кажется, сказал: «Живи еще хоть четверть века, всё будет так, исхода нет»?

Умница мужик был! Зрил в корень! Хоть четверть, хоть две, а грязь вокруг всё та же. А другой кто-то добавил: «Эта наша Судьба, жить не можем иначе...». Вот именно, что не можем, какая уж там Судьба? Не хотим! Ладно, ерунда это всё, спешу, ждет меня босс Лёха. Трамвайчик бы вовремя подошли, тогда и Бог с ней с улицей. Ага! Вот и он – мой родимый красный звенящий подползает. Сел в него, вот и замечательно. Еду, от нечего делать любуюсь на писанину на внутренних вагонах: «Вася любит Машу», «Маша хочет Пашу», «Любера форева» и прочее в том же духе; попутно скольжу взглядом по пассажирам: почти все они квёлые, как мухи после спячки. Колёса постукивают на стыках рельс, сквозь оконное стекло припекает утреннее июньское солнышко, благодать. Долго ехать, задремал.

Вдруг дёрнуло – едва на месте усидел. Тпрррууу-уууу! Что такое? Мутным спросонья взглядом прочёсываю вагон. Как приехали? Вот мать-перемать, авария? А-а-а... Кого-то на путях раскорячило. Так уберите его оттуда к... ну, вы меня поняли. Как вагон дальше не пойдет? Да вы что тут ошалели?? Меня же босс ждет, а его итальянцы ждут! А они ждать не любят совсем, это я по себе знаю. Нельзя мне опаздывать, Лёха друг и, хоть порой дерьмо из него во все стороны брызжет, но подводить его не хочется, а итальянцы, хоть и не плохие парни, но от них судьба конторы зависит! Если не успею, и контракт накроется, машину себе не раньше чем через год куплю! Так и буду на трамваях ездить!

– Уберите этого придурка с дороги!

Всё... пришлось выходить. Бегом к автобусной остановке. Лайн. Едем. Слава Богу, кажется, успеваю, на грани фола, но всё же успеваю. Не развалятся итальяны от трех минут. Сижу на самом колесе. По заднице бам, бам, бам – рессора накрывается, каждую кочку и выбоину на себя принимаю. Терплю, клацаю зубами на ухабах, но терплю. А водитель косится на меня в зеркало заднего вида так подозрительно, как проклятый эсэсовец на недобитого партизана. Ничего ты от меня, изверг за рулем, не дождешься, не дам тебе ключей от квартиры, где деньги лежат. Пытай меня, гад. Бам-бам-бам...

– А, чего? А-а-а...

Так бы сразу и сказал, забыл я, задумался...

– Девушка, передайте водителю деньги, пожалуйста. Спасибо!

И про себя: ничего так, симпатичная.

Мимо плывут пыльно-серо-грязные девятиэтажки спального района. Трах-бам-бац – что-то по крыше маршрутки. Визг тормозов... Водила чуть в форточку приоткрытую не выпрыгнул. Что, неужели опять приехали?! В три этажа матерясь, водитель с подножки заглядывает на крышу ГАЗели и спустя секунду разрывает воздух яростным воплем. Всё ясно – яйца куриные... Ну понятно, дети балуются, выпались, сил набрались – молодость лезет наружу, а засунуть ее некуда. Газельщик рвёт и мечет. Мать, тётя, дядя и прочие

родственники бесчинствующих террористов икают и корчатся в предсмертных судорогах. Да ладно тебе, поехали, хватит стоять, не бомба ведь, все целы! Чё? Ты куда, мужик? Там столько квартир, хрен ты когда кого найдешь! Вернись, я всё прощу! Ну, ёлки-палки...

Опрометью из маршрутки – подальше от антитеррористической операции.

Обочина. Ожесточенные взмахи рукой. Тормози ты, стой! Да ты чё?! Пустой ведь прешь, я тебе денег дам! Да стой ты! Следующему поперек дороги лягу! Взгляд на часы – фиаско, полет фанеры над Парижем...

...Наконец-то удалось тормознуть. Даже не машину, а так – нечто, но с шашечками на боку. Как ездит-то еще? Пальцем в борт ткну, насквозь пройдет.

– Гони, шеф! Чем быстрее, тем я щедрее сделаюсь!

Чё ты мне там по погоду втираешь? На дорогу смотри! Вот ё... Да заткнись ты, не до тебя! Всё, следующий светофор и я тебя выкину! Не видишь что ли – мне по мобиле с шефом пообщаться надо! И прямо ему, таксюку этому, в лоб:

– Пасть закрой и рули!

Он аж офигел! Но желание клиента, тем более явно перевозбужденного...

– Здорово Лёха, тут, понимаешь, дело такое... Ну, короче не успеваю я. Минут на двадцать пять опоздаю. Подождешь?.. Нет?! А как же ты с ними без переводчика будешь? Сегодня ж контракт подписывать! Как Макса пригласишь?

Ты чего? Я, мать твою, итальянгов этих и убеждал и развлекал, только что не спал с ними, а ты – Макса?.. Чего?.. Кинуть меня хочешь? Ну и сука же ты, Леха.

Бросил трубку.

– Всё, шеф, можешь открыть пасть, мне теперь наплевать. Вот там ларек, видишь? Тормози, а то пиво там перегреется.

Расплатился, вышел на тротуар и к ларьку. Что тут у нас из тёмного?.. Э-хе-хе...

– Девушка, мне «Балтику» четверку... Как сдачи нет? Ну, две бутылки давай!

Вымогательство какое-то...

Ухожу в соседний скверик. Приятное местечко и главное – никого. Тенек и мусора немного. По нынешним меркам, его тут вообще нет. Всё, расслабляюсь. Первая хорошо пошла. Теперь можно не спешить. Закурить бы... Ну да ладно... Сижу, стараюсь о неприятном не думать.

– Гражданин, – слышу за спиной, – распивать спиртные напитки в общественных местах запрещено.

Мент.

Весь кайф обломал. Я ему за это чуть башку неоткупоренной бутылкой не протаранил. Удержался. Он-то не виноват ни в чем. Пить нельзя, говоришь? Да у тебя на носу морды лица написано, что ты сам ходячий спиртной напиток. Осматриваюсь, думаю не послать ли его куда подальше без свидетелей. Но, нет! Метрах в пяти еще один, такой же кент в сером, пасется и... с бутылкой пива. Прихлебывает... Ну,

я своему показываю на того, а это, мол, что такое? А это, говорит, не ваше дело, и вообще, вопросы тут задаю я. Ну, хрен с тобой и с твоими вопросами, сунул ему в рыло полтинник, свалили они с корешем.

Допил вторую. Пора и в контору.

До конторы прошелся пешком. Что-то приятное в этом есть, когда не спешишь, а идешь на работу эдак прогуливаясь. Успел к концу обеда.

– Здравствуйте, Людочка. Как поживаете? Нормально? А Лёшенька наш разлюбезный не вернулся? Нет еще? Когда будет? А-а-а... они-с с гостями по ресторанам-с... А вы чего же, прекрасная фея, не обедаете? Дел много, бумажки важные? Не бережете вы себя! Выпить со мной не желаете? У меня в столе и бутылочка коньяку-с припасена! Ну и что с того, что на работе? А где ж еще-то? Дома не интересно, потому что вас там нет! Ну, как хотите. Неволить, так сказать, не хочу...

Налил.

– Людочка, а лимончика нет случайно?.. Нет? Жа-а-аль... Что ж мы всё без витаминов и без витаминов...

Выпил. Было неплохо, стало еще лучше.

В углу затренькал телефон.

– Что там, Людочка?.. Ах, шеф звонит.. Ну и?.. Меня хочет? Люда, скажите ему, что я не девка, чтобы меня хотеть... Да-да, так и скажите!.. Говорит, чтобы я приехал? Нужен ему?! Странно... Вы поинтересуйтесь, как он считает, а ну-

жен ли после утренней беседы мне?

Секретарша Людочка зашептала в трубку, а я снова налил и выпил. Наезжает!

– Что?! Говорите, опять зовет к телефону? Не пойду я. Скажите ему, что записочку оставлю, придет, ознакомится. Переводчики и в других местах нужны... Ах, контракт у него горит?! Какая жалость!.. Да пусть хоть двадцать контрактов у него сгорят!

Как наехало-то, хороший коньяк.

Нет, я не злопамятный, просто память у меня хорошая. Он путь и босс, но я его другом считал. Просчитался.

На выходе из конторы настроение было не сказать, что бодрое, но гораздо лучше утреннего.

...И вот я дома, и вот он одинокий вечер. «Комп» тихонько потрескивает «винтом», играет незатейливая музыка, но что-то как-то не весело. Приятное пивно-коньячное опьянение куда-то подевалось, осталась головная боль. Сижу, рубаюсь в старенького Дюка и одновременно пытаюсь сообразить, как жить дальше. Соображается туго, со скрипом, зато матерый вояка и убийца под моим неназойливым управлением лихо скачет по лабиринтам, круша всех, кто подвернется. Чёрт! Да что за уровень такой. Застрял, никак выход найти не могу! Напридумывали, блин!

Во, интересно про уровни! Каждому свой и попробуй с него выберись... И ладно бы нормальными они были, уровни эти. А так... Вот и пытаешь забраться куда-нибудь по-

выше, на следующий уровень. Мечешься, тычешься из угла в угол, любой ценой дырку найти стараешься... Не, конечно чисто теоретически, рассуждая по-демократически, каждый может стать президентом. Но реально – накося выкуси! Ну ладно, даже если президентство оставить в покое, просто нормальной жизни на своем месте хрен получишь! И вверх не пускают и просто жить не дают достойно, чтоб не подлизываясь, не заискивая и не унижаясь!

Родился, скажем, Вася Пупкин в ПГТ Говнище. Ну, родился он, никого об этом не просил. Бабки-мамки-тетки, детсад, школа, ПТУ. Почему ПТУ, а не университет? Ну допустим, Говнище это находится в таких еб... Далекое, короче, на столько от всяких там благ цивилизации, что до ближайшего универа, как от Лондона до Пекина. Были бы фунты, стерлинги, да тугрики – нет проблем! Езжай тогда драгоценный Вася за умом-разумом. А так только папина трактористская твердорублевая зарплата, которую мать-героиня пытается как-то растянуть до следующей на всю семейную ораву. Да и вообще счастье огромное, что хоть ПТУ есть и махонький заводик, куда после этого ПТУ можно пристроиться. И даже не будем считать, что Вася этот потенциальный Ломоносов, Лобачевский или, на худой конец, Белинский, чтобы не ронять напрасных слез о загубленном таланте! Нет! Он просто Вася! И вот закончил Вася ПТУ! Ура! И идет он на завод! И работает! Честно работает, не пьет, не ворует, вкалывает, как стахановец. И еще раз ему ура! Но чего он

с этого имеет? А ничего ровным счетом! Шиш он имеет, ну, слава Богу, если с маслом. Надеюсь, с этим никто в здравом уме и при наличии телевизора спорить не станет? И живет он в своем Говнище, как в соответствующей названию субстанции. И дай Бог ему не осознать этого и не спиться к старости, как папа тракторист. Дай Бог не узнать, что кто-то не поднявший за свою жизнь ничего тяжелее гербовой печати или ножа с пистолетом, живет в тысячу, да что там, в миллион раз лучше него. Так пусть накопит денег и езжает куда-нибудь, где можно жить лучше, скажете вы, Ломоносов ведь пешком дошел! Можно и так. Но на тысячу таких Вась, может быть, у одного что-то получится. А это, согласитесь, ненормально, сейчас у нас вроде как демократия с равными возможностями, а не матушка императрица. Но мы же условились, что он не Ломоносов! И не хочет он никуда уезжать, нравятся ему родные пенаты, душой прикипел и на чужбине ему каюк! И вообще, к чёрту всю эту лирику. Почему, спрашивается, человек должен жить плохо, жить в дерьме, если он не хочет грабить, убивать, воровать, лебезить, ехать куда-то и что-то кому-то доказывать, а просто хочет честно работать в своем ПГТ, на своем уровне?!

Вот взять меня. Вернулся после универа домой. Устроился в школу. И мне нравилась моя работа! Не хотел я никому ничего доказывать, просто хотел работать, завести семью, ребенка. Но шиш тебе, господин-товарищ учитель, а не семейное счастье на 3000 рублей в месяц. Конечно я пони-

маю – когда-нибудь потом было бы больше, аж на целых пару тысяч, потом бы ещё чуток за выслугу накинули, а пока... без опыта работы, без профессиональной репутации... короче, молодой специалист... Молодой-то молодой, но за те деньги был риск до старости не дожить. Не патриотично? Да ну и хрен с ним. В пионеро-комсомол играть нам свыше уже запрещено, так что про ура-патриотизм не будем. Кушать-то всё же нужно регулярно и желательно не «Ролтон» – опять же не патриотично...

Не хотел я уезжать. И долго пропускал мимо ушей нытье родителей о том, что надо мне выбираться отсюда. Они мне чуть плешь не проели! Смотри, мол, вон Васька сел, Колька спился, остальные тоже на подходе. Беги отсюда, сынок! Но почему я должен бежать куда-то из своего дома? Достали они меня в конце. Уехал после того, как Колян с перепоя застрелил брата, а потом застрелился сам. Сразу после похорон и свалил.

Да, сейчас я имею небольшую квартирку на окраине Москвы. Брал ее в кредит, но кредит брал не в банке (избави Господь от чумы и от банковского кредитования), а у старого школьного кореша. Он после отсидки раскрутился, бизнесменом заделался, сейчас миллионами ворочает, вот и сделал мне беспроцентную ссуду. Слава Богу, сумел отдать ему всё. Да, я могу себе кое-что позволить... На машину копил... Накрылась машина... Чёрт с ней! Чувствую я, что не мое это всё. Не тем я занимаюсь. Нафига мне вся эта нервотреп-

ка с убожением каких-то там итальянцев? Что я тут делаю? Разве не достоин был учитель маленького городка получать хорошую зарплату? А ведь мне действительно нравилось работать в школе. Разве не больше пользы принес бы я, обучая детей иностранному языку, а не заискивая перед буржуями, упрашивая их подписать очередной контракт? А что дает этот контракт? Новую партию итальянской сантехники на российском рынке! Что мы в свои унитаза гадить не можем?.. Спускаем деньги в итальянские сортиры, вместо того, чтобы тратить их на своих детей...

Забрался я, короче, чуть повыше, чем был, но безрадостно как-то. Но хоть и безрадостно, а опускаться ниже уже не хочется. Значит надо что-то придумывать! С Лёхой завязано, концы обрублены.

Звонок в дверь. Мля, только гостей мне сейчас и не хватает... Не буду открывать. Отсижусь. Ага, вот еще один голубчик за углом! «Бах» – раздалось из колонок, и очередной труп на экране осел. Да сколько можно звонить-то?! Не открою же! По столу, тихонько завывая про несчастную американскую любовь, запрыгал мобильник. Его поцарапанный местами помятый металлический корпус противно подребезживает. Старьё... Прикупил его после того, как один за другим посеял четыре не самых дешёвых сотовых телефона. Когда распростился с третьим, друзья и знакомые определили во мне редкий талант сорить ими. С тех пор едва ли не при каждой встрече ехидно интересуются, как поживает

очередной и долго ли мы собираемся не разлучаться. Месяц назад я таки расстался с четвёртой мобилой и, скрипя зубами от досады, решил, что хватит разбрасываться деньгами, отправился на ближайшую барахолку и с рук приобрёл простенькое древненькое «б/у». И вот оно не унимается, дребезжит и завывает. Извести меня хотят что ли? Жму на комповой клавиатуре на «Pause/Break» и берусь за мобильник. На его дисплее неизвестный мне номер.

– Алло?!.. Да!.. Паша? Какого черта тебе надо, Паша?! Срочно?.. Ну, сейчас открою.

Выразительно вздохнув, бреду к двери.

...На лестничной клетке с ноги на ногу переминается длинный молодой человек с огненно-рыжей шевелюрой. Плечи слегка перекошены, волосы всклокочены на макушке, в глазах тревога, а губы капризно изогнуты.

– Ну, заходи что ли. Чего притащился, попозже не мог?

– За два месяца ехать собрались, всё решили, а он теперь не может! – с порога выдаёт Паша. – Я уже собрался, отпуск взял... А теперь горит всё ясным пламенем! Что делать? Как...

Нет, ну надо же! Еще у одного что-то горит!

– Да погоди ты, не части! – обрываю я Пашины стенания. – Какая такая поездка?

– Отпуск! Хотели съездить отдохнуть...

– А от меня тебе что надо?

– Компания... – канючит Паша, по щенячьему преданно

заглядывая мне в глаза.

– Ясно... Ну, вообще-то с сегодняшнего дня я свободен, как Винни Пух.

Отказав в распитии чая для закрепления договоренности, выпроваживаю этого истерика. Не, он в принципе нормальный малый, но с причудами. Видите ли, приятель не смог составить компанию, а ему одному, ловеласу, по девкам шляться скучно, всё пропало! Ну ничего, спасу товарища! Собственно говоря, что меня тут держит? Могу устроить себе небольшой отпуск! Да здравствует солнце, море и загорелые женские тела! И чёрт с ней с мечтой о машине! Потратим немного денег!

Всё, спать! Набираться сил перед приключениями!

...Утром следующего дня меня будит звонок мобильного. Судя по номеру на дисплее, опять Паша! И чего ж тебе не спится?..

– Ало! Ну? Да! А позже нельзя?.. Ладно, умыться мне хоть можно?.. Хорошо, через час буду.

Избранным Пашей поставщиком нас к жаждущим любви и ласки заграничным красоткам оказалось агентство «Дорога в рай». Хм, звучит заманчиво!

Дорога в рай почему-то началась с указателя на лестницу в полуподвальное помещение.

– Помнится мне, рай должен быть в другом направлении, – возмутился я, но Паша сказал, что всё не единожды проверено.

Чертыхаясь и щурясь, спустились вниз. В отличие от пугающих ступенек, девушка в этом «райском» полуподвале оказалась вполне пригодной на роль райского обитателя. Такой ангел в мини-юбке.

– Здравствуйте девушка! Не могли бы вы подсказать, где сейчас море потеплее, а женщины погорячее? – приступаем мы к лобовой атаке и уже через каких-то десять минут убеждены в том, что если немедленно не наведемся в Италию, то жить дальше не стоит.

Ну что же... Вива Италия!

***

Утро рабочего дня, чемодан с вещами, метро, толпа на перроне в ожидании поезда. Все стоят, я стою, все ждут, я тоже. Рядом две девицы, симпатичные такие, перешептываются, косятся то на меня, то на чемодан мой. Из туннеля зашумело. Толпа насторожилась, симпатичные лица девиц несколько позверели. Им уже не до меня. Голова поезда проплыла мимо. Приготовиться к штурму! Последний вагон скрежетнул тормозами и растворил двери. Толпа, возглавляемая девицами, пробуксовывая по скользкому мрамору перрона, ворвалась внутрь! Борьба не за жизнь, а за... свободные места! Девицы, орудуя локтями, заполучили вожаделенное! Уселись, принялись прихорашиваться. Вошел. «Осторожно, двери закрываются!». За спиной кто-то сдавленно пискнул. Обернулся. Дверями зажало бабуку. Почуввав нелад-

ное, двери распахнулись и... с новой силой саданули по бабале. Ну, и еще пару раз для порядка. В каком из филиалов гестапо учат на машинистов? Раздавленная пассажирка, наконец, ввалилась в вагон и охая забила в угол. Поехали...

Трясемся. Кто-то читает, кто-то мучает мобилу, кто-то дремлет. Стою, наблюдаю. Еще несколько минут назад симпатичные, девицы вновь, вполголоса, переключили внимание на меня. У меня перед глазами картина недавнего штурма, успешно возглавленного этими особами. На передовую бы вам... Перефразировав почти классика: вам бы шашку да коня, да на линию огня, а любовные интриги... не про вас эта фигня...

Пересадка. Толкотня на переходе, опять перрон. Этот поезд взяли без драки. Едем. Народа в вагоне после каждой станции становится всё больше и больше. Тесновато, но раз уж не на такси, так и нечего жаловаться. Кантемировская. В вагон вваливается парень лет двадцати пяти, «по-модному» слегка потрепанный, обросший и бородатый, с приличного объема рюкзачком за плечами. В руке книга – грамотный, значит, на шее – навороченный «гаджет», типа, крутой продвинутый пацан. Вообще, я конечно из глубокой провинции, может, чего и не понимаю, но у нас, неграмотных, принято перед входом в общественный транспорт рюкзаки снимать. Но здесь-то... Помедлив, повертев головой, видимо выбирая, куда бы пристроиться, парень начинает продвижение к центру вагона. Ну, не стоит ему у дверей, а ну

как раскроются, и выпадет он вместе с драгоценным баулом? На всём пути к цели парня сопровождают недовольные возгласы пассажиров. Ответом им служат презрительно-уничижающие взгляды. Хорошо, что только взгляды, а то ведь и огрызаться начнет, визг поднимет. Пропихнулся парниша, уставился в книгу. Едем дальше... Орехово. «Рюкзачник» подпрыгивает и, вихляя наспинной ношей, порождая волну недовольства и ответных тычков, спешно продирается к выходу.

На следующей станции выхожу я...

Маршрутка, аэропорт Домодедово, Паша, суровые лица работников таможенного контроля. На табло ищем рейс «Москва-Генуя». Регистрация уже открыта. Вот и замечательно. Билеты – миловидной и строгой девушке-контролёру, чемоданы – в багаж. На руках у меня остаётся спортивный рюкзачок, а у Паши – сумка через плечо. Что у нас дальше по программе? Дальше – личный досмотр.

Так, в этот тазик куртку, в тот ботинки, ремень снять, из карманов всё вон и вперед через металлодетектор. Не зазвенел. Отлично. Обуваемся, одеваемся, потуже затягиваем ремни и без промедлений на паспортный контроль. Там женщина средних лет в безупречно белой блузке через стекло придиричиво сравнивает фото с оригиналом. Что-то уж очень долго сравнивает. Не изменился ли я часом? Может, лицо расплоснулось?.. Неужели что-то не так? Вроде ни в чём не виноват, но под ложечкой неприятно кольнуло. Но вот женщи-

на строго и вместе с тем приятно улыбается. Фу ты, кажется, порядок. Ага. Ставит в паспорт штамп и возвращает документ мне. Паша движется следом. Ожидая, пока его сличат с фотографией. С ним управились чуть быстрее. Что теперь? Теперь еще один досмотр, на этот раз последний. Опять металлодетектор. А затем... Затем какой-то парень в белых перчатках проворно и повсеместно меня ощупывает. Я, конечно, против террористов, ловить их надо и сажать, но... но вот это... я даже не знаю как это без мата обозвать. Недовольно кривлюсь, вдруг думаю, вот если б женщина вместо парня была... и громко хмыкаю. Парень в перчатках бросает на меня удивленный и слегка настороженный взгляд. Затем чему-то улыбается. Уж не за того ли самого он меня принял?

С интересом наблюдаю, как обыскивают Пашу. Он морщится, картинно закатывает глаза, но, в общем, держится молодцом.

Всё, мы почти уже не в этой стране. Теперь самое время совершить набег на «Дьюти Фри». Хотя, почему набег? Времени предостаточно, сейчас мы не спеша выберем что-нибудь, чем можно будет скрасить перелёт...

В итоге останавливаем выбор на «Мартини» – вкусно и особо не опьянеешь. Паша долго крутит в руках блок неизвестных мне сигарет, но передумывает и вместо сигарет прихватывает бутылочку «Джек Дениэлс». Я беру «Хеннеси». Всё, затарились.

Устраиваемся на диванчике. Сидим, глазеем. Народ при-

бывает. Одни усаживаются и углубляются в чтение книг, газет и прочей прессы, другие гуляют среди витрин с парфюмерией и алкоголем. Достая мобильник, пробегаюсь большим пальцем по кнопкам, на дисплее появляется надпись «Тетрис». Телефончик у меня старенький, никаких стрелялок-гонялок, зато есть в нём эта замечательнейшая на все времена игра. По мне, так другой и не надо. От верхнего края дисплея начинают падать кубики, палочки и загогулилки. Вращаю их, подгоняю, укладываю друг на друга. В правом нижнем углу увеличивается счётчик очков.

Судя по шуму-гаму, через контроль, наконец, прорвалась стайка подростков. В игре как раз пауза для перехода на новый уровень, так что можно оторваться и понаблюдать, как детишки мечутся от одного магазинчика к другому. Врубившись, так сказать, в ценовую фишку, молодняк начинает без разбору хватать спиртное. К кассам компания волочится, буквально в три погибели сгибаясь под тяжестью ноши.

– Во дают! – восхищается Паша и с тоской в голосе добавляет: – Эх, где ж мои шестнадцать лет...

– У меня спрашиваешь? Я тебя тогда в глаза не видел.

– Ну да... Эх, было время...

– Портвейн по рубль двадцать?

– Ага-а-а... – мечтательно вытягивает Павел. – Помню, в восьмом классе под Новый Год с пацанами «Три семёрки»...

От этой его мечтательности я начинаю давиться от смеха.

– Чего? – возмущается он.

– Поперхнулся.

– А-а-а... – снова тянет Паша и погружается в воспоминания.

Минуты две он отрешенно смотрит впереди себя и вдруг выдаёт:

– А деньги?

– Что? – не понимаю я.

– Где б мы деньги взяли? Ну, чтоб не по рубль двадцать?

Жму плечами, собираюсь сказать что-нибудь неопределенное и тут вижу, как челюсть у Паши отвисает чуть ли не до груди, а глаза расширяются и лезут из орбит. Смотрю в направлении его ошалелого взгляда: неподалеку от нас дефилирует девушка лет так двадцати пяти. Рост примерно метр семьдесят пять, длинные стройные ножки в изящных кремовых сапогах по колено, в меру широкие бёдра, обтянутые черной юбкой, оголенная узкая талия, бюст около третьего размера под короткой кожаной курточкой, пухлые губки, щёчки с ямочками, широко распахнутые аккуратно подведенные глазки и вьющиеся льняные волосы до плеч. Снова смотрю на Пашу. Он по-прежнему в ступоре. С силой толкаю его в бок, чтобы привести в чувство. Павел дёргается и начинает ерзать на месте, что-то бубня под нос и пожирая взглядом прекрасную незнакомку.

– Я это... – наконец говорит он. – Пойду...

Всё ясно, Павла охватило желание познакомиться побли-

же.

– Куда? – уточняю на всякий случай.

– Туда... – мнётся герой-любовник

– Может, она не одна, – предупреждаю я. – Подождал бы немного...

– Ага... – с явным огорчением произносит Паша и замирает на месте.

До неприличия пристально мы наблюдаем за тем, как, непринуждённо помахивая дамской сумочкой, девушка прогуливается вдоль витрин. Спустя какое-то время она останавливается у витрины с ювелирными украшениями и пристально их разглядывает.

– Всё, – не выдерживает Паша, – пошел.

Идёт он вразвалочку, как настоящий мачо. Она, то ли заметив его манёвр, а то ли просто так, направляется в противоположную сторону и исчезает в дверях попутного магазинчика. Немного помедлив для порядка, Павел следует за ней. Ну вот, самого интересного я не увижу... Или пойти подсмотреть, как хищник будет охмурять жертву, перенять опыт? Нет. У Паши задатки охмурителя в крови, на генном уровне. Такое не перенять. А мне от природы не дано. Как говорится, каждому своё...

До посадки в самолёт еще целый час. И занять-то себя нечем. Mp3-плеерами не балуюсь, предпочитая хорошо слышать, что вокруг происходит, книжку в чемодане оставил, так что даже почитать нечего. Чёрт, похоже, так

и не продвинуть по нашумевшему творчеству Коэльо дальше пятнадцатой страницы. Так и буду сконфуженно мямлить при попытках знакомых завести беседу о гениальном писателе. «Ах, какой матёрый человечиче!» – «Ну да, ну да. Конечно, конечно...» Думал хоть в самолёте сделаю над собой усилие, но нет, видимо не судьба. А уж в Италии... Какой тогда Коэльо? Эх, сколько на эти пятнадцать страниц потрачено сил! Признаться, до сих пор ни одна книжка не требовала от меня таких усилий. Ну не догоняю я его, как сейчас модно говорить. Вот такой вот приземлённый я человек – детектив мне подавай или фантастику. Семёнова или Стругацких, да мало ли у нас хороших писателей было и, смею надеяться, будет!

Сидеть надоело. Подхватываю рюкзак и Пашину сумку и иду к ближайшей витрине. На ней в футлярах и коробочках, в целлофане и без – сигары и сигариллы. Вид аппетитный, плюс к этому – из-под стекла пробиваются запахи табака разных сортов – крепкие и послабее, с ароматическими добавками и абсолютной чистоты. К горлу подкатывает слюна, возникает жгучее желание закурить. Но... я полгода, как бросил. Чёрт! – ругаюсь мысленно и, как заправский мазохист, продолжаю смотреть и вдыхать.

Курить или нет? Пара сломанных рёбер, проткнувших лёгкое, склонила чашу весов в сторону «нет». Если бы не тот полудурок на «Шевроле», купил бы я сейчас сигару поароматнее...

Эти мысли отделились в висках гулким буханьем. До сих пор ночами снится: перекресток, «зебра», светофор зажигает зелёный, я делаю пару шагов и... Дальше – два месяца в больнице и еще полтора с палочкой.

Вздыхаю, потираю лоб ладонью и машинально ощупываю сантиметровой шрам над правой бровью. Врач рассказывал, кровь лилась так, будто голова пробита. Оказалось – рассечение. Ладно, будем надеяться, что шрам меня лишь украшает, как полагается, придаёт мужественности. А полудурок тот приходил, денег предлагал. Потом папаша его приходил – солидный дядька, респектабельный. Уверял, что сын у него мальчик хороший, а на принципиальности я долго не протяну и гордостью сыт не буду. Зря он так, можно было по-человечески поговорить.

Условно сынку дали, полгода всего, видимо, вняли таки голосу папашиного разума.

Еще раз провожу пальцем по шраму и сосредотачиваю взгляд на своем отражении в витрине: не красавчик, но внешность, как мне неоднократно говорили, приятная. Смуглая кожа, тёмно-русые волосы чуть спадают на высокий лоб, густые сросшиеся брови над карими глазами, почти классический нос, широкие скулы и чуть выдающийся вперед подбородок.

За спиной чувствую движение, а в витрине вижу, как над моим плечом появляется улыбающаяся физиономия Пашки. Очевидно, охмурение прошло успешно. Оборачиваюсь. Так

и есть. Под руку мой приятель держит ту самую девушку.

– Это Марина... Мариночка, – представляет он, – а это Дэн, Денис то есть.

Вот так сразу и Мариночка? – мысленно удивляюсь я и, улыбнувшись, говорю:

– Очень приятно.

– Мариночка тоже летит в Италию. Одним с нами рейсом, – объявляет Паша.

Улыбаюсь ещё раз. Внимательно смотрю на девушку и понимаю, что есть в ней что-то такое из-за чего она именно Мариночка, но что конкретно – определить пока не могу.

– Мальчики, давайте сядем! – говорит Мариночка, и я отмечаю, что голос у нее несколько резковат. Есть в нем что-то приказное и немного истеричное. Хотя, впрочем, голос как голос, и чего я придираюсь?

Подходим к диванчику.

– Ой! – восклицает Мариночка. – Мобильник! – глазки её загораются. – Забыл кто-то... – произносит она, воровато озираясь по сторонам.

На диванчике собственной персоной мой обшарпанный «б/у». На всякий случай хлопаю по карманам. Пусто. Ну точно, мой!

Наблюдая за мной, Паша лыбится во весь рот.

– Это Денискин, – сообщает он Мариночке. – Он у нас парень такой, надоело – бросил!

– Да иди ты! – огрызаюсь беззлобно и прячу телефон

в карман джинсов.

Садимся. Мы по бокам, Мариночка между нами. Она закидывает ногу за ногу, поправляет волосы, её зелёные с поволокой глаза смотрят на меня, а потом на Павла.

– Значит, в Италию? – спрашивает она.

– Ага, – расплывается в глуповатой улыбке Паша.

– Первый раз?

Паша кивает.

– Я тоже, – сообщает девушка.

– Составишь мне... – начинает Паша, но тут же спохватившись, поправляется: – нам компанию?

Мариночка еще раз поочередно осматривает нас, теперь прищурившись, и до комичного серьезно говорит:

– Хм, надо подумать...

За нашими спинами раздается раскатистый, как из пушки, грохот. Мариночка вздрагивает, и все мы дружно оборачиваемся на звук. За стеклянной стеной на желтый диск солнца с востока наплывают свинцовые облака.

– Ну вот... – обиженно произносит Мариночка и, как капризный ребенок, надувает пухлые губки. От этого лицо ее становится еще привлекательнее.

– Подумаешь гроза какая-то, – спешит успокоить девушку Паша. – Это здесь, а там, в Италии, наверняка отличная погода!

– Думаешь? – озадачивается Мариночка.

– Уверен!

– Смотри! Если обманываешь, обижусь! – предупреждает девушка, и я пытаюсь угадать, шутит она или нет.

– Если что, готов загладить вину так, как пожелаешь! – говорит Паша и подмигивает.

Мариночка как бы не замечает этого и задумчиво произносит:

– А вообще, я слышала, что отправляться в дорогу в дождь – хорошая примета.

Паша и, к моему удивлению, я согласно киваем.

Некоторое время мы сидим молча. От нечего делать я еще раз оборачиваюсь и смотрю на улицу. Там под ещё не ушедшим в облака солнцем ядовито желто-зеленеет скромных размеров «Боинг». К нему от здания аэропорта ведет крытый подвесной коридор. На борту «Боинга» эмблема компании «S7». Вспоминаю кадры авиакатастроф с участием этой конторы и невольно поёживаюсь. А что делать-то? Можно, конечно, дома остаться... Ну уж нет! Авось пронесёт!

Объявляют посадку. Выжидаем, пока основная масса пассажиров пройдёт в самолёт и, когда у стойки контроля остается человек двадцать, отправляемся туда. На полпути внимание наше привлекает громкая, незнакомая мне, мелодия. Мариночка вздрагивает и принимается суетливо копаться в сумочке. Мы с Пашей застываем на месте, с интересом наблюдая за этим процессом. Мобильник в недрах сумочки верещит всё громче и настойчивее, но, словно в издёвку, умолкает, как только попадает в руки к хозяйке. На Мариночки-

ном личике досада: губки надуты, а бровки сдвинуты к переносице. Её наманекюренный ноготок пробегается по тускло-бирюзовым кнопкам мобильного, несколько секунд она задумчиво смотрит на дисплей, и в это время досада на её лице превращается в негодование.

– Мальчики, идите, я догоню, – бросает она и поворачивается к нам спиной.

Пока парень у стойки проверяет наши билеты, мы продолжаем наблюдать за новой знакомой. Мариночка теперь стоит к нам вполоборота и что-то тихо говорит в трубку. Что именно – разобрать невозможно. Лишь когда мы оказываемся за стойкой, до нас долетает Мариночкино строго-капризное:

– Сережа! Не будь таким! Мы уже говорили об этом!

– А девочка, кажется, занята, – замечаю я Паше.

– Неужели? – наигранно удивляется он. – Кем? Никого не вижу!

Быстро проходим по коридору и попадаем в самолёт. Выслушав усталые приветствия стюардессы, занимаем свои места в хвосте, в предпоследнем ряду справа.

Мариночка появляется минуты через три. Несколько секунд она медлит в центре салона, смотря на одно из кресел, а затем направляется к нам. Рассеянно улыбнувшись, садится рядом с Пашей. Он делает грудь колесом и пытается приобнять девушку за плечи, но не тут то было. Мариночка отталкивает его руку, вжимается в кресло и закрывает глаза.

Так, похожая на нахохлившегося воробья, она неподвижно сидит около минуты. Упрямец Павел снова пытается обнять ее, но она порывисто приподнимается в кресле, хлопает ладошкой по подлокотнику и зло гортанно произносит:

– Козел!

– Что? – выдавливают Паша, опешив.

– Козел! – повторяет Мариночка и обессилено плюхается в кресло.

– Я? – уточняет Павел, опешив ещё больше.

– Да причём тут ты, – раздражённо произносит Мариночка. По лицу ее гуляет буря эмоций, а высокая грудь вздымается так, что, наверное, неплохо справится с ролью кузнечных мехов.

– И на этом спасибо, – тихо говорит Павел и отстраняется от грубиянки.

Я отворачиваюсь и принимаюсь тарашиться в иллюминатор. По стеклу скользнули несколько капель дождя, оставив за собой водяной след. Ничего интересного за бортом не наблюдается, но не Пашей же любоваться? Мимо, мигая маячком, проезжает ярко-оранжевый заправщик, затем бело-голубой «Форд» службы охраны. Чуть поодаль тягач буксирует сто пятьдесят четвертую «Тушку». В моей памяти сами собой всплывают незабываемые впечатления от полёта на этой «птичке». Летал всего лишь раз, но воспоминаний хватит надолго. При любом изменении высоты уши начинали болеть так, что не дай бог врагу, хотя... смотря какому. Если

ВЗЯТЬ...

В этом месте мои грёзы вероломно прерывает грубый с хрипотцой голос:

– Извините, но это место моё.

Плотный седовласый дядька сквозь линзы в позолоченной оправе пристально изучает Мариночку.

– Ой, а вы не пересядете? – предельно смягчив голос, интересуется она. – А то я тут с женихом... – указывает на Пашу.

Лицо Павла на мгновение перекашивается, точно отражённое в кривом зеркале, но он быстро справляется с эмоциями, расплывается в просительной улыбке и обнимает такки «невесту» за плечи.

– Ну ладно, – соглашается дядька, – куда садиться?

– Вот там, видите, женщина в шляпке...

– Та, что с ребенком?

– Да-да, – подтверждает Мариночка и дядька удаляется.

Толкаю Пашу в бок и на ухо шепчу ему:

– Жених, блин... Когда свадьба?

– Не дожدهшься, – скалится Паша.

Над нашими головами раздаётся тихий короткий шелест, а затем приятный женский голос:

– Уважаемые дамы и господа, капитан корабля и экипаж рады приветствовать вас на борту Боинга-737, совершающего рейс Москва – Генуя Просим вас занять свои места и пристегнуть ремни. Сейчас вам расскажут о средствах личной

безопасности на борту самолёта.

В проход между креслами выходит стюардесса – молодая высокая девушка с привлекательным усталым личиком. Она долго и неинтересно рассказывает о том, где лежат спасательные жилеты, откуда выскакиваю кислородные маски и как всем этим добром пользоваться.

– Экипаж постарается сделать всё возможное, чтобы о полёте у вас остались только приятные воспоминания, – заканчивает она выступление и удаляется.

Вздрогнув, самолёт медленно трогается с места. Забирает немного направо и катится вперёд по рулёжной дорожке. Смотрю в иллюминатор. Вдалеке проплывает увитый «колючкой» забор, внизу на асфальте виднеется белая разметка, впереди торчит слегка подрагивающее крыло. Едем долго, несколько раз довольно круто поворачиваем то в одну, то в другую сторону. Наконец останавливаемся.

– Дамы и господа, – раздаётся из динамиков, – наш самолёт готов к взлёту, убедительно просим вас поднять откидные столики, привести спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуть ремни.

Мы дружно выполняем просьбу – каждый в той части, где это возможно.

Гул турбин усиливается, неприятная вибрация волной прокатывается по корпусу самолёта. Он трогается с места, едет всё быстрее и быстрее. С каждой секундой меня всё сильнее вдавливают в кресло. И вот оно на мгновение как бы

проваливается подо мной. Я инстинктивно сжимаю ладонью подлокотник.

Отрыв. Самолет задирает нос и устремляется вверх. Земля в иллюминаторе удаляется. Общий вид становится крупнее, а частные детали – меньше.

Уши закладывает. Паша что-то говорит мне, но из всей его фразы я разбираю лишь гагаринское «Поехали!», произнесенное с особым выражением.

«Боинг» заваливается на левое крыло, делая разворот, и забирается всё выше. Врезается в грязно-серую пелену облаков, прорывается сквозь нее, и в иллюминатор ударяют слепящие солнечные лучи.

Стараюсь дышать ртом, чтобы отлегло от ушей, но помогает слабо.

Сверху облака кажутся кипельно-белой снежной равниной, усеянной холмиками сугробов. Внизу – в редких, но крупных разрывах облаков – проплывают куски города: едва различимые квадратики и прямоугольники домов; узкие, как ленточка в косе первоклассницы, отрезки дорог.

Город остался позади. Самолет выравнивается. Похоже, набор высоты закончен, и мы легли на курс. В подтверждение этого на табло потухает надпись «Пристегните ремни».

– Дамы и господа, – звучит из динамиков всё тот же женский голос, – мы закончили набор высоты. В полёте вам будут предложены прохладительные напитки и завтрак. Желаем вам приятного полёта.

В проход между креслами две стюардессы выкатывают тележку. На ней пакеты с соком, бутылки с газировкой и пивом.

Мне минералку, Паше с Мариночкой апельсиновый сок. На свет появляется благоразумно приобретенный по бросовой цене «Мартини». Мои спутники смешивают коктейль, я буду пить чистый «Бьянко».

– Ну что же, прощай... нет, до свидания, Родина!

***

Аэропорт Генуи встретил нас солнцем и ослепительно белоснежной улыбкой гида Андрея. Этот безмерно улыбочивый и добродушный парень помог нам разместиться в комфортабельном микроавтобусе, заполненном прибывшими туристами, и по широченной скоростной автостраде мы помчались к конечной точке маршрута – славному городу Сан-Ремо на берегу теплого Лигурийского моря. По дороге, пока Андрей вещал о радужных перспективах отдыха на знаменитом курорте, запоздало выяснилось, что Мариночке по счастливейшему стечению обстоятельств (так выразился Паша) забронирован номер в том же отеле, где предстоит остановиться нам.

Как оказалось, семиэтажный четырёх-звёздочный отель со всевозможными удобствами, так было заявлено в проспекте туроператора, расположился в самом настоящем пальмовом лесу на окраине Сан-Ремо. Конечно, в проспек-

те были картинки, но, глядя на них, я и представить не мог такой масштабности экзотических насаждений. От отеля до моря всего каких-нибудь двести метров пологого спуска среди расступающихся ребристых пальмовых стволов. По прибытии первым делом мы конечно же бросились к воде. Купались и загорали до самого ужина, после которого Паша отправился провожать Мариночку, а я вернулся в свой номер. Именно Пашка ещё в Москве настоял заборнировать каждому одноместный полу-люкс, чтобы, значит, иметь полную независимость и свободу действий в делах амурных. Вот бабник...

Приятно утомлённый купанием, я лежу на кровати, переключаю канал за каналом. Всё иностранщина. Сплошные MTV, BBC, CNN и прочее идеологически чуждое. Я конечно в языках поднаторел, но вот именно сейчас не хочется мозги переводом загружать. Продолжаю давить на кнопки пульта, тщась выловить что-нибудь «наше». Ага, стоп! Кажется, спутник не подвёл. По крайней мере, логотип в углу экрана до боли знаком. Делаю звук погромче. С чувством глубокого удовлетворения вздыхаю – говорят по-русски. Показывают рекламу... На экране мельтешат шампуни вперемешку с перхотью, бульонные кубики с синюшными цыплятами и женщины с прокладками.

Рекламный блок заканчивается, и на экране появляется дядька с лицом идиота, но в военной форме. «Смирнов, ко мне!» – странным для команды отечески-заботливым тоном

выкрикивает он. И к нему тут же походкой пацака семенит лыбящийся доходяга. Очевидно, Смирнов. Сейчас, наверное, подбежит и скажет: «Ку». Но нет, Смирнов детским голоском докладывает, что прибыл по приказу и ждёт распоряжений. Дядька выслушивает. Довольно крикает. Делает лицо поумнее. Видимо, таки собирается распорядиться. На заднем плане, за дядькиной спиной, вразвалочку шествует галдящая толпа в камуфляже.

В дверь номера стучат. Я отрываюсь от телевизора и собираюсь сказать «войдите!», но не успеваю. Дверь распахивается, и в номер, не дожидаясь разрешений, входит Паша. Подбородок вздёрнут, руки за спиной, брови сдвинуты к переносице. Длинная широкая майка болтается на нём, как балахон, шорты прикрывают ноги до колен. Секунд пять он изучающе смотрит на меня, изучив, строго вопрошает:

– Киснешь в одиночестве?

В ответ я морщусь и пожимаю плечами – типа не знаю.

Паша делает несколько шагов вперед. Шагает он как-то странно, я бы сказал, слегка пьяновато.

– Будешь? – осведомляется Павел, и из-за его спины появляется бутылка.

– Буду.

Отдыхать, так отдыхать.

Принимаю бутылку, свинчиваю пробку и отхлёбываю прямо из горлышка. Паша одобряюще кивает, мол, так держать, знай наших и проч. Виски оказывается резковатым,

на любителя.

– О, у тебя телевизор по-нашему говорит! – восклицает Павел. – Что показывают?

– Кино какое-то.

Я делаю еще глоток, а Паша тем временем сосредоточенно всматривается в TV-картинку.

– Дай! – ни с того, ни с сего гаркает он и выбрасывает ко мне правую руку с разжатой ладонью.

От этого резкого движения я вздрагиваю и пытаюсь прикрыться, как от удара.

– Что? – спрашиваю я.

Лицо Павла перекошено в зверской гримасе. Не помню, чтобы раньше видел его таким. Не дожидаясь, пока я сообщу, что ему нужно, он выхватывает у меня пульт и нажимает на первую попавшуюся кнопку. Из динамиков раздаётся итальянская речь.

– Сняли... суки... Санаторий для дибилоидов... – цедит Паша сквозь плотно сжатые зубы и швыряет пульт на кровать. – А кирзой по почкам – не хотите? А бросок на двадцать пять по полной выкладке?

Вот оно что... Воспоминания о былом. Протягиваю Паше бутылку. Он с жадностью припадает к живительной влаге.

Мне-то что? Меня армейская чаша миновала. А вот Пашка хлебнул. Но до сих пор у него об армии всё как-то вскользь и с усмешкой, когда ни спросишь. Мол, ездили куда-то, стреляли из чего-то, ну водку пили – само собой – вот

и вся армия. А тут... Наболело, прорвало?

– Пойдём что ли? – осведомляется Паша, оторвавшись от бутылки. Говорит он уже беззлобно, как ни в чём не бывало.

– Куда?

– Прогуляемся.

Покинув номер, направляемся к лифту. Паша шествует впереди, пошатывается и припадает на левую ногу.

Стеклянный лифт, скользя по стене здания, быстро уносит нас вниз. Перед нашими глазами мелькает море огней. На улице стемнело, но территория отеля сияет, как рождественская ёлка.

На выходе из лифта сталкиваемся с группкой улыбающихся пожилых людей. Они о чём-то оживленно переговариваются на английском.

– Хай! Э вери найс дэй! – приветствует нас один из них – поджарый загорелый дед в шортах по колено, майке навыпуск и бейсболке. На бейсболке кричаще-красная аббревиатура «USA».

Я киваю, из вежливости отзываюсь:

– Хау а ю?

– Файн! – сообщает дед, и вся компания втискивается в лифт.

– Гуляют пенсионеры, – произносит Паша.

В его голосе я улавливаю нотки зависти и соглашаюсь:

– Да. Нашим бы так.

– Помечтай, – саркастически хмыкает мой приятель.

Я молчу в ответ. Что тут сказать?

Идём по территории. Навстречу то и дело попадаются отдыхающие. Все улыбаются и приветственно кивают нам. От этого лично я прихожу в некоторое смущение. Непривычно получать знаки приветствия от совершенно незнакомых людей. Проходим по пальмовой аллее. Над нами, цепляясь за стволы пальм, причудливо переплетаясь, нависает пышная растительность, усыпанная экзотическими цветами. Цветы благоухают. Воздух просолен морем и свеж. Я с наслаждением втягиваю его ноздрям.

– Твою мать! – вдруг восклицает Павел.

Он оступился, но смог удержать равновесие.

– Осторожнее! – с опозданием предупреждаю я.

Паша выругивается еще раз и идёт дальше, хромя сильнее прежнего.

– Что с ногой? – спрашиваю я.

– Да так... – неопределенно произносит он.

В конце аллеи показываются ворота, за нами – пляж.

Ступаем на песок. Он шуршит и податливо проминается под ногами. Лигурийское море шумит, непрерывно гоня к берегу солёные волны. Налетает ветер. Бесцеремонно и вместе с тем ласково он проходится по моей шевелюре. До чего же хорошо! – думаю я и с наслаждением потягиваюсь. Время позднее, пляж давно опустел. Разваливаемся в лежаках под широким плетёным зонтиком на длинной пла-

стиковой ножке.

Долго лежим, смотря в черноту над морем. Где-то вдали тускло мерцают огни кораблей. Над нами, в прорехах сплетенных прутьев, огромные яркие звёзды. Южное небо ночью кажется до страшного близким. Протяни руку – обожжёшься о какое-нибудь светило...

– М-м-м... – мычит Паша.

Я оборачиваюсь к нему и вижу, как он ожесточенно разминает левую лодыжку.

– Болит?

– Ага. Дождь пойдёт.

– Думаешь? — спрашиваю я недоверчиво и ещё раз сморю на небо. Там ни облачка.

– Мой барометр не обманешь... Ну, если только из-за акклиматизации...

Я отхлёбываю из благоразумно прихваченной бутылки. Передаю Паше. Он отпивает и с силой втыкает бутылку в песок рядом с лежаком.

– Покурим?

– Ну, вообще-то я бросил.

– А... ну да, – припоминает Паша.

Он закуривает. В воздухе разносится дразнящий запах табачного дыма. Я с завистью наблюдаю за приятелем. Курит Паша жадно, глубоко затягиваясь. При этом он необычным для меня образом прячет сигарету в ладони. Даже находясь в метре от него, я не вижу огонька.

В очередной раз выпустив дым из ноздрей, Паша задумчиво произносит:

– День рождения.

– У кого? – интересуюсь я для поддержания беседы. То, что день рождения у Павла через два месяца мне известно, так что повода для волнений нет. Поздравить успею.

– У отца сегодня день рождения. Пятьдесят пять.

– Юбилей.

– Ага, – вздыхает Паша.

– Так какого ж ты здесь делаешь? Тебе бы на торжестве у родителя сейчас гулять!

Паша долго молчит, мусоля в пальцах окурок. Наконец, бросает его в закреплённую на ножке зонтика пепельницу, переворачивается в лежаке на бок и говорит:

– Как из универа вылетел, так и не общаемся.

– Из-за учёбы с отцом разругался? – удивляюсь я, отмечая про себя, что, оказывается, совсем ничего не знаю о приятеле. Познакомились по пьяному делу, периодически пересекались то тут, то там. Даже не подозревал, что Паша учился в университете.

– Да плевать на неё, на эту учёбу, – в сердцах бросает Паша. – В армию меня призывали после отчисления. Папка отмазать хотел, он у меня влиятельный мэн. Богатый.

– И чего? – не понимаю я.

– Чего-чего! – огрызается Павел. – Дурак я был – вот чего! Баран упёртый. Как это за меня кто-то просить будет? Нет

уж! Гордые мы. Лучше пойдём Родину защищать.

Он замолкает. Долго шуршит сигаретной пачкой. Закуривает.

– Ну а дальше что? – интересуюсь я.

– Защитил. По полной программе! Как положено. До самой больничной койки. Едва не закопали.

– Ты воевал что ли?

– Самую малость.

Я вздрагиваю. По спине пробегают мурашки.

Паша привстаёт, поднимает спинку лежака и закрепляет её в пазах каркаса. Усаживается. Сажусь и я. Мы молчим, не торопясь, смакуя пьём виски. Параллельно я пытаюсь переварить сказанное Павлом. Опять воткнув в песок опустошенную на две трети бутылку, он прикуривает очередную сигарету.

– Нет, ты не подумай, что я нытик какой-нибудь, – нарушает он молчание. – Не жалуюсь я. Это я так радуюсь, что жив остался. Ведь не закопали же. А то, что год на больничной койке, а потом два с палочкой – ерунда всё. Мелочи.

– Тяжело было? – задаю я на сто процентов глупый вопрос.

– На войне-то?

– Ну да.

– Неа, – непринужденно бросает Паша. – Но ты не подумай, что я бесстрашный герой, просто так получилось, – спешит пояснить он. – Я там словно во сне был. Типа обкурился

и вокруг всё такое нереальное. – Паша откашливается и продолжает: – То прапор наорёт. А какого хрена? Мама он мне, что ли, или папа, чтоб командовать? То «дедушка» приборзееет, требовать уважения начнёт. Ну что ему сказать? Следующая перестрелка и ты, хрен с бугра, ляжешь. Будут потом разбираться, кто и откуда в тебя стрелял? Здесь не Америка какая-нибудь... То лейтёху «чебуреки» прирежут. А он – пацан совсем, месяц, как из училища. Паноптикум какой-то...

Паша снова умолкает и долго трёт ногу.

– А потом возвращение к реальности, – продолжает он тихо, почти шепотом, словно для себя самого. – А реальность... Реальность брат... Никто меня не посылал, сам я туда хотел. Хотел, так хотел. Может, и вправду хотел. Спорить не буду. Да и смысл? Но, видишь ли, синдром у меня какой-то образовался, так что ни на одну работу меня брать не стоит, а то мало ли что. Если только дворником, но лопату в руки не давать. Полгода гадал, что за синдром такой. Так и не смог понять. Вот только исхудать до позеленения смог. Кушать-то надо, а денег где взять? Грабить-убивать? Звали «братки». Мог, конечно, к отцу пойти мириться. Простил бы он меня-дурака, и зажил бы я, как полагается. Но ведь упёртый я, да и стыдно. Еле на работу устроился, кореш один поспособствовал. Афганец.

Паша продолжает рассказывать о послеармейских перипетиях своей жизни, а я смотрю на него и чувствую себя последней скотиной. Почему? Сам не знаю. Стыдно. За что?

Ведь не посылал я его туда. Вернее, не я посылал. К горлу подкатывает колючий ком. Стыдно за то, что не послали меня, что избежал? Или за то, что не помешал послать туда Пашу и еще сотни таких же парней? Но мог ли я? Стыдно и противно.

– Вот так-то Дениска! – изрекает Павел. – Так что ты это... – мнётся он пару секунд, – в общем, позовут кого-нибудь защитить, сначала подумай.

– Подумаю, – заверяю я. – Ты позвонил бы отцу, поздравил.

Паша не отвечает. Он допивает виски, ставит бутылку на песок. Достает из кармана шорт раскладушку-мобильник, долго крутит его в руках. Раскалывает, потирает пальцем экран.

– Думаешь, стоит?

– Попробуй.

Пашка молча с большими паузами нажимает на кнопки мобильного, наконец, произносит виновато:

– Денис, ты иди... Ладно?

Уже отойдя шагов на десять-пятнадцать, слышу сказанное дрожащим голосом «Алло».

***

С утра Пашка выглядел смущённым и даже немного расстроенным. Хотел я поинтересоваться у него, как пообщался с отцом, но не решился. Не люблю лезть в душу, тем более,

если не просят. Троица «Я, Павел и Мариночка» собралась за завтраком. На организованном тут же совете было решено отправиться на осмотр окрестностей, что и было незамедлительно сделано. И надо сказать, посмотреть было на что.

Окруженный горами, Сан-Ремо оккупировал предгорные холмы. Если смотреть на них с набережной Corso Imperatrice, видишь группы плотно прилегающих друг к другу домов, между которыми проглядывают островки зелёной растительности. Разглядывая выгнутую к горам дугу Сан-Ремо, я почему-то вспомнил о Ялте – есть что-то схожее в географии этих городов. На тянущуюся вдоль берега Corso Imperatrice выходят несколько улиц. И везде – на набережной и просматриваемых с неё участках улиц – зелень и цветы, цветы и зелень. Солоноватый от близости моря воздух так плотно пронизан их ароматами, что кажется, его можно резать ножом.

Разведав обстановку на Corso Imperatrice, мы слегка углубились в город по VIA Carli и перекусили в крохотной уличной кафешке. И тут Мариночка блеснула эрудицией. С гордым видом она сообщила, что недавно читала, будто своё название набережная получила в честь какой-то русской императрицы, мол, когда-то давно посетила Сан-Ремо и оказалась под сильным впечатлением от климата, архитектуры и светских раутов. Мариночкина эрудиция простёрлась столь далеко, что нам посчастливилось услышать и о фестивалях песни в Сан-Ремо, и что где-то тут должна быть вилла Нобеля,

и что здесь даже проводятся какие-то автогонки. В общем, Сан-Ремо – не город, а мечта. И я пока готов с ней согласиться.

Восторгаясь Мариночкиной осведомлённостью, мы вернулись на набережную. Кроме прочих, с неё открывается вид на порт, дающий пристанище всевозможным катерам и яхтам. Их так много, и стоят они так плотно, что издали сливаются в огромное белое пятно.

Темнеет. Совсем недавно мы любовались на церковь, построенную у пересечения Corso Imperatrice, VIA Nuvoloni и Corso Matteotti. Кресты на церковных куполах сразу же показались мне подозрительно православными, и подозрение оправдалось. Мариночка сказала, что это, наверное, и есть «та самая русская церковь, посвящённая какой-то Святой Екатерине». Нам с Пашей оставалось лишь поверить нашему нечаянному гиду на слово. В сгущающихся сумерках среди пальм и цветов эффектно подсвеченное здание церкви смотрелось неотразимо. Мы оставили его позади и теперь движемся по улице Matteotti. Слева сияет огнями казино. Вокруг полно народа. Неумолкающим гулом звучат множество голосов. В витринах магазинчиков зажглись зазывающие вывески. Я с интересом озираюсь по сторонам. Мариночка, повиснув на плече Павла, радостно щебечет. Павел улыбается, старается почаще поддакивать, вставляет реплики, в общем, даёт понять, что чрезвычайно заинтересован беседой.

Из-за угла нам навстречу, раскатисто порывивая, выплывает лаково-чёрный трёхдверный автомобиль. Контуры его кузова настолько изящны и уникальны, что память моментально выдаёт почерпнутое из авто-журналов название «Мазератти». Не просто «Мазератти», а «Мазератти» несерийный, выпускаемый по спецзаказу. Как вкопанный, я застываю на месте, не в силах оторвать взгляд от машины. Пока у меня холодеет внутри и щемит под ложечкой от мысли, сколько стоит это чудо, двигатель «Мазератти» умолкает, а водительская дверца крылом чайки взмывает вверх. Из салона автомобиля выбирается высокий подтянутый мужчина в изящном чёрном смокинге. Мужчина стоит ко мне вполоборота и почему-то кажется знакомым, даже, я бы сказал, очень знакомым. И где бы я мог его видеть?.. Итальянский киноактёр или политик?.. На мой взгляд, он с лёгкостью может быть и тем и другим. Так всё же где?.. Есть в нём нечто такое, что делает человека запоминающимся раз и навсегда. Не напускной лоск, а эдакая порода, что ли... уникальность, как у его «Мазератти» – глянул раз и едва ли забудешь. Небрежным движением руки мужчина поправляет воткнутый в петлицу белый цветок и вальяжно огибает машину спереди. При этом он попадает под яркое освещение уличного фонаря. Ну конечно же, – мысленно восклицаю я, – Мауро Перелли! Деловой партнёр, президент той самой компании, где мы закупали эту чёртову сантехнику! Пару раз я имел честь лично общаться с Мауро на переговорах.

– Чего ты на него уставился? – спрашивает меня Паша, отрываясь от общения с Мариночкой.

– Да так... знакомого увидел.

Паша с удивлением смотрит сначала на Мауро, затем на меня. Его взгляд требует объяснений.

– Встречались по работе, – поясняю я. – Долго рассказывать и не интересно.

Тем временем Мауро подходит к пассажирской двери автомобиля, распаковывает ее и принимает в ладонь изящную ручку в белой перчатке. Затем на тротуар ступает точёная ножка в блестящей туфельке.

Появившаяся из «Мазератти» девушка – едва ли не само совершенство. Паша впивается в неё взглядом широко распахнутых глаз. Девушка игриво покачивает головкой, взбивая пышные смоляные волосы, её ладошки элегантно соскальзывают по бёдрам, разглаживая обтягивающее до колен платье. Паша на секунду отрывается от нее и бросает оценивающий взгляд на Мариночку. На его физиономии я отмечаю печать сомнения. Герой-любовник решительно готов распрощаться с нынешней пассией и броситься к ногам новой.

Мариночка дёргает Павла за плечо и капризно вопрошает:
– Ну и чего замолчал?

В ответ Павел цокает языком и протяжно вздыхает.

– Э-э-э, мальчишки... вы на эту фифу пялитесь? – угадывает Мариночка. – Подумаешь... Наверняка шлюшка мало-

летняя. Вон какого папика подцепила. – Мариночка презрительно морщится. – Да если я захочу, у меня десять таких будет и с тачками покруче этой, – с нескрываемым раздражением заявляет она.

Мы с Пашей красноречиво переглядываемся.

«Послал бы ты её», – говорят мои глаза.

«Думаю над этим...», – читаю в Пашиных.

«Ну-ну. Думай».

Мариночка напряженно наблюдает за нашим переглядыванием.

– Ха! – восклицает она. – Кобели! Бегите к ней, если хотите. Без вас отлично отдохну. Найду себе какого-нибудь...

Она отцепляется от Павла и, выпрямив спину, картинно виляя бёдрами, идет прочь.

Паша в растерянности. Он панически смотрит на меня, затем с тоской на девушку Мауро и, видимо осознав, что без личного «Мазератти» ему там ничего не светит, бросается за Мариночкой.

– Стой, идиот! – не сдерживаясь, выкрикиваю я вслед. Но куда там? Павел не слышит.

С досады хлопаю ладонью по бедру и сквозь зубы цежу ругательство. Ну и хрен с тобой, Паша, в конце концов, из кого веревки вить будут?

Оборачиваюсь, чтобы взглянуть, что там с Мауро, и вижу, как он, поддерживая под локоть очаровательную спутницу, идёт ко мне. Чего это он? – удивляюсь я.

Идет Мауро походкой человека в себе уверенного, знающего собственную цену. А цена велика – в прямом и переносном смыслах. Капиталец у этого итальянца многим на зависть.

Мауро останавливается в пяти шагах, прищурившись, осматривает меня с ног до головы.

– Денис! – уверенно восклицает он. – Стрельцов!

Секунду помедлив, Мауро мотает головой и поправляется:

– Стрельников!

Ну, надо же, меня тут помнят.

– Чао, Мауро! – приветствую я.

– Чао! – откликается Мауро, расплываясь улыбке. – У тебя всё в порядке?

– Всё отлично.

– Мне показалось, ты кричал.

– Это я другу.

– А-а-а... – протяжно произносит Мауро и оглядывается по сторонам.

– Он убежал, – поясняю я, – за женщиной. Извиняться.

Мауро удовлетворяется ответом и понимающе кивает.

– Позволь представить, – спохватывается он, оборачиваясь к своей спутнице, – Денис Стрельников. Русский.

Девушка улыбается, и, глядя на неё, я чувствую лёгкую слабость в ногах и начинаю понимать смысл фразы «красота – страшная сила».

– Паола ... – продолжает знакомить нас Мауро.

– Очень приятно, – сообщаю я, неожиданно для себя самого отвесив полупоклон.

– Какими судьбами? – интересуется Мауро, завершив церемонию знакомства.

– Отдыхаю.

– Превосходно!

– Давно в Сан-Ремо?

– Только вчера приехал.

– Как впечатления?

– Пока хорошие.

Мауро бросает внимательный взгляд на Паолу. Девушка начинает откровенно скучать. На личике ее нарисовано недоумение: и почему она должна слушать все эти разговоры?

– Паола, ты не против, если молодой человек составит нам компанию? – вежливо интересуется Мауро у спутницы.

– Нисколько, – отвечает девушка и кокетливо, но без всякого жеманства, улыбается.

– Вот и славно! – восклицает Мауро. – Идём!

Он подхватывает меня под руку и напористо увлекает за собой. На ходу я оглядываюсь в поисках Павла и Мариночки, их и след простыл.

Играет тихая незнакомая мне мелодия. Мы сидим за круглым покрытым красной бархатной скатертью столом. Вооб-

ще всё оформление рестораника уходит в красноту. Тёмно-красные массивные стулья, алая роза в прозрачной вазочке на каждом столе, длинные красно-чёрные портьеры. Освещение приглушенное и опять же в красноту из-за цвета обстановки. Весьма интимно. Ощущаю себя почти что в будуаре какой-нибудь средневековой мадам. Хоть никогда там и не был, но всё же... такие вот ощущения...

Проворно, но без лишней суеты – его не было, но вот он здесь – появляется официант. Вежливо приветствует гостей и вручает каждому обтянутую кожей книжечку меню. Когда очередь заказывать доходит до меня, прошу у Мауро помощи, ведь в итальянской кухне я – как свинья в апельсинах. Совместными усилиями решив задачу выбора блюд, мы ненадолго впадаем в безмолвие. Паола сидит, потупив взор, я и Мауро блуждаем взглядами по заведению. Тут кроме нас ещё одна небольшая компания: двое мужчин и одна девушка. Несколько секунд украдкой разглядываю её и прихожу к выводу, что, спору нет, симпатичная, но до Паолы ей далеко.

– Мне сказали, ты ушёл из фирмы, – произносит Мауро, остановив взгляд на мне.

– Так и есть.

– Уже подыскал что-нибудь?

– Решил сперва отдохнуть.

Мауро улыбается, воздев указательный палец левой руки, произносит:

– Разумно!

Улыбаюсь в ответ.

– Ну а всё же, чем планируешь заниматься?

Прежде чем успеваю ответить, у стола возникает официант. В его руках откупоренная бутылка. Перелив её содержимое в бокалы на высокой тонкой ножке, он удаляется. Мауро берёт бокал и внимательно разглядывает на свет. Рубиновый напиток тускло искрится и идеально гармонирует с окружающей обстановкой.

– У Паолы завтра день рождения, – сообщает Мауро. – Собственно, по этому поводу мы здесь.

– Поздравляю! – обращаюсь к Паоле.

– Спасибо, – отзывается она и мило улыбается. От этой улыбки за нашим столиком даже сделалось как-то светлее.

Официант приносит что-то из заказанного. На столе появляются три большие тарелки, кажется, с жареным мясом, присыпанным зеленью. По крайней мере, запах мясной. На каждой тарелке ещё и миниатюрная горка спагетти, политая ядовито-оранжевым соусом, и несколько листиков то ли салата, то ли ещё какой-то терпко пахнущей травы.

– Предлагаю выпить за нашу прекрасную даму! – говорит Мауро и встаёт.

Следую его примеру и, чокнувшись со всеми, пригубляю вино. Недурно! Никогда такого не пробовал! Нет, просто превосходно! Отпиваю ещё немного и сажусь.

Мауро принимается весьма энергично орудовать ножом

и вилкой. Паола делает то же самое осторожно, будто боится сделать куску мяса больно. Не знаю, как смотрюсь со стороны я, но стараюсь справляться с приборами, как можно деликатнее, чтобы не оплошать в этом, не побоюсь слова, высшем обществе. Обидно будет выглядеть дикарём в глазах такой симпатичной особы, как Паола.

Покончив с мясом, Мауро откидывается на спинку стула и мелкими глотками потягивает вино, поглядывая то на меня, то на Паолу. На неё он смотрит с какой-то особой нежностью. Я жую и по-чёрному завидую ему, ведь у меня, скорее всего, никогда не будет такой шикарной девушки. Изредка Паола перехватывает взгляд Мауро и улыбается... Улыбается так, что у меня внутри всё обмирает. Нет, ну надо же какая красивая, как в кино...

Официант подаёт кофе и мороженое.

– Скажи, а чем ты занимаешься? – обращается ко мне Паола.

– Я переводчик.

– Интересно... – произносит она так, что не понять – действительно ей интересно или из вежливости.

– Но сейчас я безработный...

Паола слегка морщит хорошенький носик.

– Денис отличный переводчик, так что очень скоро найдёт новую работу, – спешит заверить её Мауро.

– А я учусь! – гордо сообщает Паола.

– Она у нас умница. Получает сразу два образования.

Паола отправляет в рот ложечку мороженого, проглотив, произносит:

– Буду юристом и экономистом.

– Здорово... – комментирую услышанное.

– А очень скоро открою собственное дело! – добавляет

Паола. – Как только получу свои деньги.

– И поверь, она так и сделает! Готов поспорить, что всё будет по высшему разряду, у неё отцовская хватка, – рассыпается в комплиментах Мауро, заставляя Паолу слегка задретаться.

Звонок моего мобильного прерывает нашу увлекательную беседу.

– Извините, – произношу я прежде чем ответить на вызов. – Алло. Что?.. Кто это? Лёха?! Ну... Я тебе уже всё сказал... Отвали! – грубо рыкаю в трубку.

– Что-то серьёзное? – интересуется Мауро, внимательно глядя в моё лицо.

– Пустяки. Бывший шеф звонил.

– Алексей?!

– Он. Хочет, чтобы я вернулся в контору. Говорит, что только я справлюсь...

Мауро принимается тереть мочку уха и спрашивает настороженно:

– Вернёшься?

– Да ни за что! После того как этот... – я вовремя сдерживаю ругательство. – В общем, расстались мы не самым при-

ятным образом, и я в нём разочаровался.

– Рассказывали мне... – кивает Мауро. Он берёт со стола чашечку с кофе, приближает к носу и делает глубокий вдох. Аромат напитка заставляет его довольно улыбнуться, и он продолжает: – Признаться, я не понял его подход к делу. Ты всё время с нами работал, душу в дело вложил, а он тебя в последний момент заменил каким-то посторонним человеком. Наши ребята были очень удивлены такому обороту и даже воспользовались им, – ухмыляется он.

– Как это? – спрашиваю и отмечаю, что Паола следит за разговором с неподдельным интересом – подалась вперёд, подбородок вздёрнут, в чуть прищуренных глазах огоньки. Сразу видно – вникает начинающая бизнес-леди, берёт на заметку, чтобы когда-нибудь применить на практике.

– Ты ведь не просто переводчиком был, так?

– Да.

– Мне рассказывали, ты даже в те детали вникал, которые твой шеф оставлял без внимания, так?

Киваю. Мауро отхлёбывает кофе и продолжает:

– Схемы перепроверял, счета.

– Хорошо тебя информируют...

– А ты как думал? – усмехается Мауро. – А потом тебя заменили другим, и ни он, ни Алексей естественно не в курсе некоторых важных подробностей... Улавливаешь?

Ещё бы я не улавливал, всё ясно как божий день. Эх, Лёха... Жадность фраера сгубила...

– Не совсем чисто, конечно, сыграли, но бизнес есть бизнес... – резюмирует Мауро. – И шефу твоему бывшему урок. Думаешь, почему он тебе до сих пор звонит?

– Да уж... оперативно сработали! – искренне восхищаюсь я.

– Бизнес есть бизнес, – повторяет Мауро.

Следующие четверть часа мы наслаждаемся кофе, мороженым и непринуждённой беседой, большей частью состоящей из обмена любезностями. Наконец, Мауро подзывает официанта и расплачивается за всех. На мою попытку рассчитаться за себя отдельно он негодуяюще восклицает:

– Даже не думай!

Паола отлучается в дамскую комнату, а мы выходим на улицу, где окончательно стемнело и дует ласковый прохладный ветерок. Стоя у поблескивающего в лучах фонаря «Мазератти», продолжаем перебрасываться ничего не значащими фразами, касаемся погоды, температуры воды и так далее.

– Как тебе Паола? – осведомляется Мауро, как бы между прочим.

– Шикарная у тебя девушка, – вздыхаю в ответ.

Из уст Мауро вырывается громкий смешок, а на лице появляется широкая улыбка.

– Ты в самом деле посчитал её моей... э-э-э... Ха-ха!.. моей девушкой? – спрашивает он, лукаво глядя мне в глаза.

– А разве не так?

– Паола дочь моего хорошего друга. К сожалению, Романо умер... – при этих словах лицо Мауро мрачнеет. – С тех пор я и приглядываю за ней. Можно сказать, опекун, но порой чувствую, и не без удовольствия, что в какой-то мере заменил ей отца. Своих детей нет, так что... – разводит он руками. – Подумать только, вот уже тринадцать лет... Целых тринадцать лет наблюдаю, как она растёт... Совсем уже взрослая. Завтра отпразднуем двадцать...

– То есть, основное торжество завтра?

– Конечно. А сегодня, – Мауро выписывает ладонью замысловатый крендель в воздухе, – Традиция такая сложилась... Перед днём рождения веду Паолу в любое место, куда пожелает: театр, казино, э-э-э... м-м-м... да хотя бы и дискотека, – улыбается Мауро. – В этом году она выбрала ресторан...

Из ресторана выходит Паола и подходит к нам.

– Держи, – произносит она, протягивая мне что-то зажатое в ладошке.

Подставляю свою ладонь, и на неё падает мой мобильник.

– Спасибо! – благодарю искренне и мысленно проклиная свою забывчивость. Чуть было не распростился с очередным телефоном!

– Благодарю официанта, это он заметил.

– Представь, Денис назвал тебя моей девушкой! – спешит Мауро порадовать Паолу.

– Вот как?! – удивляется она. – Ну нет... У меня совсем

другой жених!

– Да-да... – подтверждает Мауро. – Здоровый такой мальчик.

Паола хмурится.

– Владелец собственной фирмы, – поправляет она.

– Ах да, ну как же я забыл... Занимается серьёзным делом, продаёт воду в бутылках: в больших и поменьше... – говорит Мауро, руками показывая размер тары, и в его голосе присутствует изрядная доля иронии.

Паола хмурится ещё сильнее.

– Почему вы на него ополчились? Сначала мать, теперь ты...

– Я?! Ополчился?! – тому, как Мауро играет удивление, позавидовал бы профессиональный актёр. – Да разрази меня гром, если так! Ты же знаешь, что я способен лишь одобрять всё, что тебе заблагорассудится!

– Вот и хорошо. Едем?

– Прошу вас, сеньорита! – восклицает Мауро, распахнув перед Паолой дверцу автомобиля. – Ну что, Денис, хорошо тебе отдохнуть!

Издав грозный рык, машина трогается с места, но прежде чем я успеваю развернуться и отправиться восвояси, останавливается и сдаёт назад. Из салона высовывается Мауро и спрашивает:

– Ты чем занимаешься завтра вечером?

Пожимаю плечами.

– Мы тут подумали, – Мауро заговорщицки подмигивает, давая понять, кто именно думал больше всех, – и решили пригласить тебя на торжество.

– Удобно ли? Я никого не знаю, что скажут гости?..

– Не забивай голову! Отметим в семейном кругу, а? Всё будет исключительно по-домашнему!

А почему бы и нет? – мысленно спрашиваю себя и после недолгих раздумий прихожу к выводу, что ничто не мешает мне принять предложение. Даже интересно, как здесь у них проходят такие мероприятия.

Получив моё согласие, Мауро сообщает, что завтра в шесть вечера за мной приедут, и «Мазератти» срывается с места, оставив в воздухе слабо уловимый запах сторовшего бензина.

***

Весь день с перерывом на обед мы провалялись на пляже. Разумнее было бы прошвырнуться в город, обозреть достопримечательности, но Мариночка канючила про головную боль, и Пашка, как подлинный кавалер, возжелал не отходить от шезлонга смертельно больной дамы. Соответственно, я торчал у того же шезлонга, томясь в ожидании вечера. Часов около половины пятого Мариночке стало совсем худо, чему я, в общем-то, не удивился – столько пробыть на жаре и чтоб не поплохело... Мы собрались и, утомлённые солнцем, вернулись в отель.

Машина за мной приехала в точно назначенное время. Об этом меня только что оповестили по телефону.

Выхожу на улицу и первое, что бросается в глаза, – шикарный белый лимузин. Неужели за мной? Оглядываюсь, пытаюсь отыскать нечто поскромнее, но кроме лимузина поблизости транспортных средств не наблюдается. Из водительской дверцы лимузина выбирается высокий молодой мужчина в строгом чёрном костюме и, заметив моё замешательство, осведомляется издалека:

– Сеньор Денис Стрельников?

Киваю.

– Прошу вас, сеньор! – восклицает водитель.

Он проворно подсакивает к пассажирской дверце в хвосте лимузина, распахивает её и замирает в ожидании.

...Внутренне пространство машины поражает меня объемом и роскошной отделкой. Сиденья из натуральной кожи, выкрашенной в светло-коричневый цвет, такого же цвета обивка из барханного на ощупь материала. Салон автомобиля залит мягким, я бы сказал, интимным светом.

– Ехать сорок минут, – оповещает меня водитель. – Бар в вашем распоряжении, – добавляет он, и салон наполняется приятной незнакомой мне мелодией.

Стесняться и мешкать я не собираюсь. Что у нас тут? В шкафчике бара: Виски, Чинзано, Коньяк, Граппа. Давно собирался попробовать виноградную водку. Тут же рядышком несколько миниатюрных серебряных стаканчиков –

грамм на семьдесят каждый. Наливаю полный. На вкус Граппа оказывается вполне приятным напитком. Даже закусывать не надо. Хотя крепость, как пишут на этикетке, 39 процентов. Злоупотреблять сейчас не стоит. Наливаю Чинзано, откидываюсь на спинку сиденья. Лимузин движется не спеша, без рывков и тряски. Проезжаем пересечение с набережной. Выезжаем на узкую улочку. Мимо плывут двух-трёхэтажные домики с кафе и магазинчиками на первом этаже. Сворачиваем на улочку поуже, тут широченный лимузин едет едва ли не впритирку к стенам домов. Жму на кнопку стеклоподъемника, матовое стекло ползет вниз, и я осторожно высовываю голову на улицу. Смотрю вверх. Над нами множество крошечных балкончиков, уставленных горшочками с цветами. Среди цветов замечаю людей. Некоторые переговариваются с балкона на балкон, некоторые стоят в безмолвии и одиночестве. Наконец выезжаем на широкое пустынное шоссе.

Водитель уводит машину в крайний левый ряд и стремительно разгоняет её. Тяжелая и громоздкая, она идет на удивление легко. Потягиваю Чинзано, смотрю по сторонам. Поодаль, слева от дороги, чёрной стеной тянутся горы. Впереди набегают асфальт с чёткой яркой разметкой. Справа, за обочиной, множество домов и домиков. Почти все они утопают в свете и зелени. В просветах виднеются белёсые корпуса лодок и яхт. А дальше – до горизонта – вода. Невольно засматриваюсь. Красота. Хочется осесть в одном из таких до-

миков и пожить в своё удовольствие. Чтоб встать с рассветом, сорвать в маленьком садике гроздь винограда, запить виноград бокалом сухого красного вина, а потом прихватить нехитрые рыбацкие снасти и выйти на лодке в море. И там от утренней прохлады сквозь дневной зной до освежающего заката качаться на теплых волнах. От мечтаний меня отвлекает манёвр водителя: с автострады он довольно резко уходит вправо на узкую асфальтированную дорогу. Домики и море исчезают из вида, а по обеим сторонам машины появляются невысокие деревца, чередующиеся с такими же низкими фонарными столбиками. Из вредности пытаюсь высмотреть среди фонарей хотя бы один неработающий и через пару минут бросаю это безрезультатное занятие – светят все до одного.

Лимузин теперь едет очень медленно и осторожно. Я прикрываю глаза. Очевидно, заметив это в зеркало заднего вида, водитель выключает в салоне свет. Плавный ход автомобиля, спокойная музыка – всё это располагает ко сну. Я постепенно сползаю в дрёму. Перед глазами появляется улыбающаяся Паола. Она игриво оправляет обтягивающее платье, притрагивается к причёске, что-то говорит мне, но что именно – разобрать не могу. Паола смеётся, протягивает руку и легко касается ладонью моей щеки. Я вздрагиваю и открываю глаза. В лобовое стекло машины бьёт слепящий свет. Я жмурюсь, тру глаза кулаками.

– Приехали, сеньор! – раздаётся голос водителя.

Пока я пытаюсь привыкнуть к яркому освещению, водитель выходит на улицу и открывает мою дверцу.

– Прошу, сеньор!

Выйдя из автомобиля, жмурюсь ещё раз, стараясь отогнать наваждение. Но нет! Оно не исчезает. То, что представит передо мной, вызывает в памяти картины из голливудских фильмов о красивой жизни. Огромные ворота увенчаны фигурной аркой. По обе стороны ворот – статуи обнаженных мускулистых мужчин с копьями и щитами в руках. Длинный забор, насколько видит глаз, увит цветущим белыми цветами растением. За забором огромная трёхэтажная вилла с множеством окон. Нет, я бы всё же назвал это дворцом. Окна дворца занавешены шторами. По шторам движутся тени.

Ворота распахнуты. Войдя в них, ступаю на посыпанную гравием дорожку. Вдоль дорожки устроена яркая иллюминация из фонарей на фигурных ножках. Каждый фонарь стоит в центре клумбы с цветами. Впереди – ступени, над ними, между массивных колонн, широкие стеклянные двери. Глядя на всё это великолепие, хочется поддаться порыву итальянской экспрессии и во всю глотку воскликнуть что-то вроде «Мамма миа!».

Взбегаю по ступеням и у дверей натываюсь на Мауро.

– Чао! – приветствует он меня и протягивает ладонь.

– Чао! – отвечаю я и обмениваюсь рукопожатием.

– Как добрался?

– Великолепно.

– Проходи.

Делая приглашающий жест рукой, Мауро отступает в сторону.

– Паола настаивала, чтобы я непременно проследил за твоим прибытием и устроил с максимальным удобством, – говорит он мне в спину.

Вот ведь какая забота о почти незнакомом человеке, мысленно усмехаюсь я и захожу в просторный вытянутый вдаль холл. Под ногами паркет, к потолку жмётся огромная круглая люстра с кучей переливающихся подвесок. Наверняка хрустальная. Вдоль правой стены, между окнами, портреты, исполненные в каком-то старинном стиле. Поскольку в данном направлении изобразительного искусства я, как Чапай в авиации, то большего о стиле сказать не могу. На портретах весьма почтенные на вид сеньоры в пышных одеждах и молодые женщины, в длинных и не менее пышных платьях.

Холл пуст. Посреди левой стены занавешенный шторами проем. Оттуда доносится музыка. Кажется, что-то из творений Штрауса.

У проёма я на секунду приостанавливаюсь, стараясь подробнее рассмотреть один из портретов, на котором изображена прелестная молодая особа.

– Нравится? – спрашивает Мауро, улыбаясь.

– Красивая! – восхищаюсь я.

Довольно кивнув, Мауро одной рукой подхватывает меня под локоть, другой отводит полог шторы, и мы входим в ярко

освещенную залу.

В центре залы вальсируют несколько пар. Кавалеры, как на подбор, в чёрных фраках, дамы – в кружевных белых платьях. На просторном балкончике, обернувшись лицом к нам, размахивает палочкой дирижер. Из-за его спины торчат жерла труб и то и дело выглядывают смычки. По периметру залы рассредоточены столы, уставленные подносами со снедью. У столов смеются и пьют из разномастных бокалов, собравшиеся в небольшие группки, декольтированные дамы и шикарно одетые господа. Почти все они в карнавальных масках.

– Ну ничего себе! – восклицаю я по-русски.

– Что? – переспрашивает Мауро.

– Вот это вечеринка! – восторгаюсь уже по-итальянски. –

Будто в средние века попал.

Мауро широко улыбается и увлекает меня дальше.

– И что у вас тут все так танцуют? – интересуюсь я на ходу.

– Да ну что ты, – отвечает Мауро. – Сейчас в моде популярная музыка.

– А это что же любители старины? – указываю я рукой в сторону кружащихся пар.

– Приглашенные актёры. Паола очень хотела отметить своё двадцатилетие как-нибудь необычно. Вот я и расстарался. Так сказать, праздник в стиле ретро.

Идём вдоль столов. Мауро то и дело обменивается с гостями улыбками и приветствиями. От одной из группок гостей отделяется грузный низкорослый господин и следует

за нами, что-то негромко наговаривая Мауро на ухо. Мауро улыбается и кивает в такт шагам. Наконец, господин отстаёт и возвращается к столу.

– Важный человек, – тихо сообщает мне Мауро. – Помогает решать некоторые рабочие вопросы.

Мауро замедляет шаг и осматривает гостей.

– Сейчас я тебя представлю, – говорит он, и в этот момент раздаётся громкий и противно-писклявый сигнал, очень похожий на звонок моего мобильного.

Я инстинктивно хлопаю себя по карману, где обычно лежит телефон. Вибросигнал не ощущается. Значит, звонят не мне. В это время Мауро не спеша лезет рукой во внутренний карман смокинга и достаёт оттуда изящный слайдер Nokia. Давно хочу прикупить себе такой, отличная машинка, но если честно, жаба душит. Не хочется вкладывать кучу денег в кусок пластика и несколько грамм металла, пусть даже драгоценного. Да и с моим везением, наверняка посею через пару недель. Вот уж обидно будет... Мауро внимательно смотрит на экран, потом на меня:

– Извини! – бросает он и прикладывает телефон к уху.

Далее следует непродолжительный разговор, состоящий из отрывочных фраз на жаргонном итальянском, в котором я мало что понимаю.

– Извини, Денис, я сейчас! Срочное дело! Прости! Никуда не уходи! – спешно произносит Мауро и выбегает из зала.

– Вот так вот, – произношу я одними губами, оставаясь

в гордом одиночестве среди разодетых господ, и только тут замечаю, что выгляжу на их фоне совершенным оборванцем. Мой вечерний костюм: выпущенная наружу футболка; тёртые и чуть мятые джинсы; лёгкие чёрные ботинки с острыми носами. Короче, с корабля на бал. И о чём только я думал? Может, стоит удалиться, пока не засмеяли? Хотя, какое мне дело до чужого мнения? Вроде бы никакого, но всё равно неприятно. Я-то рассчитывал на скромный сабантуйчик, а тут королевский приём на сто персон. Ну Мауро, ну подставил... «Всё будет исключительно по-домашнему». Хотя, я сам дурак. Это для меня по-домашнему – водка с солёными огурцами...

От этой мысли на меня нападает приступ смеха. Я громко прыскаю, пытаюсь совладать с собой, но не тут-то было. Смотрю по сторонам, не заметил ли кто моё странное поведение, и перед глазами встают все эти господа и дамы декольте, хрумкающие солёные огурцы под водочку и Штрауса. Меня разбирает еще больше. Сейчас под стол свалюсь. От нового приступа смеха я закашливаюсь и сгибаюсь в три погибели. Вот это действительно влип. Сейчас, наверное, я в центре внимания.

– Молодой человек! – слышу я рядом с собой приятный женский голос. – Что с вами?

Вместо того чтобы ответить я продолжаю кашлять.

По моей спине начинают весьма ощутимо хлопать узкой ладонью. Не разгибаясь, скашиваю глаза влево и вижу край

длинного тёмно-красного платья, из-под которого торчит бархатная туфелька такого же цвета.

– Помогите ему, он, кажется, подавился, – слышу я.

Вот Дьявол! Надо же так...

– Дайте сюда воды! – продолжает командовать женщина.

Спустя пару секунд мне под нос суют бокал с пузырящейся жидкостью. Я распрямляюсь и делаю большой глоток. Шампанское. Газ ударяет мне в нос и... В общем, выходит неприятность пуще прежней. Да что же это такое! Злой рок какой-то. Теперь точно в шею выгонят. Но вместо этого мне протягивают тончайший кружевной платок. Я быстро промокаю им лицо и осматриваюсь. Взгляды всех собравшихся в зале устремлены ко мне. Оркестр молчит. Вот он – момент славы, так его растак.

Передо мной стоит пышногрудая незнакомка. Тёмное платье приятно оттеняет её смуглую гладкую кожу. Лицо женщины скрывает изящная чёрная полумаска, усыпанная по краям блёстками. Вьющиеся смоляные волосы спадают на плечи. В маленьких ушках поблёскивают сережки с белыми камушками.

– Извините, – сконфуженно говорю я.

– Ничего страшного, – добродушно отзывается незнакомка.

Она оборачивается, делает знак рукой, и зала снова наполняется звуками вальса. Из-под маски женщина придиричиво осматривает меня. Взгляд ее карих глаз буквально обжигает.

– Денис Стрельников, – представляюсь я, решив, что молчать больше не стоит.

– Ремина, – отвечает женщина, не переставая меня разглядывать. – Как я понимаю, вы тот самый русский друг Мауро?

– Да, – подтверждаю с готовностью. Возможно, факт знакомства с Мауро уберёжёт меня от позорного изгнания?

– Паола мне о вас рассказывала.

– Прошу простить за мой вид. Дело в том, что я не считывал на такой приём.

– Д-а-а, – протяжно произносит Ремина и, улыбнувшись, добавляет, – с этим надо срочно что-то делать. Идёмте! – говорит она, и в голосе ее звучат откровенные командирские нотки.

– Куда?

Отвечать Ремина не собирается.

– Разрешите?! – то ли спрашивает, а то ли приказывает она, и, не дожидаясь разрешения, оттопыривает мою руку эдаким крендельком и просовывает в него свою.

Мы движемся к выходу. Я как галантный кавалер сопровождаю даму. Но со стороны это, должно быть, больше похоже на картину «Принцесса и нищий». Гости провожают нас удивлёнными взглядами.

Мы выходим из зала и движемся через холл. Сеньоры и синьорины внимательно глядят на нас с портретов. В дальнем конце холла обнаруживается маленькая дверца. Вопреки моему джентльменскому порыву, Ремина заставляет меня

войти в дверь первым. Сразу за дверью начинается узенькая винтовая лестница. Её ступени тихо и совсем не противно поскрипывают. Изогнутые деревянные перила отполированы множеством рук. Поднимаемся на второй этаж.

– Налево, – направляет меня Ремина.

Налево тянется широкий скупо освещенный коридор.

– Вторая дверь, – продолжает указывать маршрут моя спутница.

У двери я останавливаюсь. В комнату первой входит Ремина. Она щелкает выключателем и приглашает:

– Входи.

Комната оказывается неправдоподобно маленькой для такого огромного дома. Почти всё её пространство занимает шикарная кровать. Если бы не она, я предположил бы, что Ремина привела меня в каморку для прислуги... Рядом с кроватью ютятся напольные часы с маятником, зеркальный трельяж и полукресло. В углу поблекший от времени платяной шкаф. Все эти вещи будто согнаны сюда из других уголков дома, выставлены за ненадобностью. По крайней мере, такое ощущение у меня возникает, когда я смотрю на них. Слишком плотно и сиротливо жмутся они друг к другу. Узенькое окошко занавешено плотной тёмно-красной шторой.

Ремина открывает шкаф и несколько секунд придиричиво разглядывает его содержимое.

– Вот! – говорит она. – То, что надо!

Из шкафа появляются плечики с висящим на них черным смокингом. Ремина элегантно бросает его на кровать. Затем достает из шкафа белую рубашу и чёрные с отливом, под стать смокингу, брюки.

– Примерь! – требует она.

Я конечно с удовольствием, но раздеваться при незнакомой женщине как-то неудобно.

– Не стесняйся! – угадывает Ремина мои мысли. На её лице я вижу легкую усмешку.

Легко сказать «не стесняйся». Ну и что делать? – пытаюсь сообразить я, переводя взгляд с Ремины на смокинг и обратно.

– Ну ладно, так и быть, я отвернусь, – снисходительно произносит она.

С облегчением вздохнув, начинаю разоблачаться.

По ширине новые брюки приходятся в пору, но не длинноваты ли? Подхожу к зеркалу и придирчиво оглядываю себя. Нормально. За спиной чувствую едва уловимое движение, и над моим плечом в зеркале появляется лицо Ремины. Я застываю, как вкопанный. Её дыхание касается моих волос. Я ощущаю легкое прикосновение к спине. Спина обнажена, и от касания женских пальчиков по всему телу пробегает дрожь.

– Ниточка прилипла, – как ни в чём не бывало говорит Ремина и касается моей спины еще раз. Я снова вздрагиваю. – Ну и чего ты ждешь? – Ремина, подхватывает с кровати ру-

башку и смокинг и протягивает мне.

Я разворачиваюсь, чтобы принять одежду и встречаюсь взглядом с Реминой. Мы долго смотрим в глаза друг другу, затем взгляд женщины скользит вниз по моей груди.

– А ты ничего. Крепкий парень.

Что есть, то есть, жиром стараюсь не заплывать, и даже кое-какая мускулатура имеется.

Я быстро заканчиваю переодевание, расправляю атласные борта смокинга. Ремина лично повязывает мне галстук-бабочку.

– Вот так гораздо лучше, – говорит она, придирчиво оглядев меня. – Идём!

Я предлагаю ей руку, и мы не спеша возвращаемся в залу. По пути я осторожно кошусь на Ремину. Она идёт плавно, словно плывёт, грациозно покачивая бёдрами. Подбородок её чуть вздёрнут, длинные ресницы в прорези маски медленно движутся вверх-вниз. Ни дать, ни взять – королева.

В зале по-прежнему царит веселье. Наше появление не вызывает никакой реакции со стороны присутствующих. Мы подходим к столу, и тут же рядом появляется официант. На затянутой в кипельно-белую перчатку ладони он держит поднос с бокалами.

На этот раз шампанское приятно освежает меня. Я окидываю залу взглядом и ловлю себя на ощущении сказочной нереальности происходящего. Неужели всё это на самом деле происходит со мной?

Краем глаза замечаю движение. Смотрю налево и вижу Мауро. Он перемещается от одной группки гостей к другой, что-то спрашивает и, получив ответ, идёт дальше. Уж не меня ли ты ищешь? Я специально разворачиваюсь к нему спиной, пусть побегает. Нечего было бросать меня на произвол окружающих. Попробуй теперь найди.

Ремина стоит напротив меня, похоже, она заметила странные перебежки Мауро и с интересом наблюдает за ним. По крайней мере, взгляд её устремлен за мою спину.

– Что это ты ищешь, Мауро? – громко спрашивает она спустя минуту наблюдений.

– О, Ремина! Так вот кто скрывается за этой прелестной маской! Ни за что бы не догадался! – игриво восклицает Мауро.

Он подходит и останавливается справа от меня. Отворачиваю лицо в сторону, якобы я тут сам по себе и вообще не замечаю его присутствия.

– Так что ты ищешь? – переспрашивает Ремина.

– Ты видела здесь парня в майке и джинсах? Оставил его буквально на мгновение, и он исчез!

Я быстро оборачиваюсь и подмигиваю Ремине.

– Ты в своем уме, Мауро? – гневно произносит она, принимая игру. – В майке и джинсах? Да я убила бы того, кто осмелился так опозорить этот дом! А потом того, кто его пригласил!

– Тебе придётся убить меня! – полным раскаянья голосом

произносит Мауро. – Но может быть, я могу искупить? Любой каприз!

Вот ведь мерзавец! – с негодованием думаю я. Сначала бросил меня, а теперь заигрывает с моей женщиной! Стоп!.. Ну, я и загнул... Уже успел записать Ремину в «свои женщины». Но ведь действительно, как в песне поется: «ах какая женщина, мне б такую!». Держи карман шире, Дениска.

– Чтобы такого пожелать... – томно произносит Ремина.

Ну вот, и она заигрывает с ним. Я чувствую весьма ощутимый укол ревности.

– Ах, чтобы такого... – вздыхает она еще более томно.

Всё, пора с этим завязывать! Я громко и нарочито откашливаюсь и в упор смотрю на Мауро. Он бросает на меня короткий безразличный взгляд, затем снова смотрит на Ремину, и тут же буквально подскакивает на месте.

– Денис?!

– Собственной персоной!

– А это, – Мауро тычет пальцем в мой смокинг, – откуда?

С кого снял?

– Оттуда, – несколько грубовато отвечаю я и в картинном поклоне склоняюсь перед Реминой.

– Вот оно что... – задумчиво произносит Мауро. – Значит, уже познакомились?

Я киваю.

– Ну и замечательно! – констатирует он и делает мне комплемент: – А тебе идёт так одеваться, Денис.

– С этого момента перехожу исключительно на смокинги. Мауро смеётся.

– Так давайте же отдыхать! – восклицает он, окидывает нас с Реминой придиричивым взглядом и не допускающим возражений тоном заявляет: – Денис, тебе непременно, нет, немедленно надо пригласить Ремину на вальс! Вы будете отлично смотреться. Музыканты, вальс! – требует Мауро во весь голос.

Я впадаю в ступор. Он сдурел что ли? Не представляет с кем имеет дело? Должен ведь догадываться, что с вальсами у меня с детства не задалось. Да и вообще не люблю я танцевать! Как бы поделикатнее об этом сообщить, чтобы никого не обидеть?

Мауро подталкивает меня в спину и при этом довольно пакостно улыбается. Да ведь он специально! Посмеяться хочет, собирается посрамить меня перед Реминой. Оркестр даёт первый аккорд, я в панике смотрю на Ремину и по ее испытующему взгляду понимаю, что она ожидает с моей стороны активных действий. Ну не умею я танцевать! Хоть режьте меня! Даже не глядя по сторонам, я могу угадать, что опять попал в центр всеобщего внимания. Ремина капризно надувает губки и делает шаг вперед, явно намереваясь потащить меня в центр залы. Я отступаю, панически пытаюсь сообразить, что можно предпринять в данной ситуации. На помощь приходит Мауро. Это каверзный итальяшка, прикидывавшийся до сих пор моим приятелем, увлекает Ремину

на танец. С одной стороны я готов его убить, но с другой... мне так полегчало... Теперь, когда паника отступила, меня из вредности так и подмывает картинно, чтобы все слышали, крикнуть вслед Мауро: «Какого дьявола ты уводишь мою даму, подлец?!». Мол, не по собственной воле не состоялся я как танцор, мне вероломно помешали! Но я не рискую. А то ведь действительно танцевать заставят. Тогда уж позор ничем кроме крови не смыть.

Мауро и Ремина вальсируют в центре залы. Мауро уверенно ведет очаровательную партнёршу. Ремина изящна до умопомрачения. Спина Мауро вытянута, словно струна, плечи гордо расправлены, лицо его сияет. Я испытываю к нему черную, как сажа, зависть. Но опять же, сам дурак... На что рассчитывал и чему завидую? Сунулся дурень со свиным рылом в калашный ряд. И танцевать-то не умею...

Мелодия вальса стихает. Мауро и раскрасневшаяся Ремина возвращаются ко мне под гром оваций.

– Как мы смотрелись? – ехидно осведомляется Мауро.

– Отлично, – отвечаю, не кривя душой.

– Всего лишь отлично? – возмущается Ремина.

– Вы были великолепны и бесподобны! – спешу я исправиться.

– Не могу не согласиться, – раздаётся у меня за спиной незнакомый мне мужской голос.

Прежде чем обернуться, я смотрю на Ремину. Лицо её на мгновение искажается, уголки соблазнительных губ опус-

каются вниз, симпатичный носик хищно заостряется, а глаза выстреливают пару молний.

...Обладателем незнакомого голоса оказывается высокий парень лет тридцати. Одет он, как подобает ситуации, в чёрный смокинг и чёрные брюки, под смокингом виднеется белоснежная сорочка, на шее галстук-бабочка. Чёрные волосы гладко зачёсаны назад и собраны на затылке в тугий хвост. Длинный нос, впалые щёки, массивные скулы и сёрые большие глаза делают их обладателя похожим на птицу. С первого взгляда не разберешь – хищную или нет. Сложен парень весьма атлетически. Выше меня на полторы головы. Косая сажень в плечах, грудная клетка выпячена, мощные длинные ноги широко расставлены. На согнутой руке парня буквально висит Паола. Рядом со здоровяком она выглядит невероятно миниатюрной и хрупкой. Я смотрю на неё и с удивлением понимаю, что вот уже который день подряд меня окружают дьявольски привлекательные женщины. Настолько привлекательные, что дух захватывает.

– Чао! – приветствует нас Паола.

Мауро галантно подхватывает её руку, облачённую до локтя в серебристую перчатку, и касается губами. Я собираюсь было последовать его примеру, но Паола быстро прячет руку за спину. На мою долю остаётся только улыбнуться и сказать:

– Привет!

– Как дела, Денис? – вежливо осведомляется Паола.

– В полном порядке.

– Тебя хорошо встретили?

– Великолепно!

– Я старался! – заверяет Мауро.

Да уж, помню я, как ты старался, хочется съязвить мне.

Но в компании таких женщин грех сводить пустяковые счёты. Вместо этого я обмениваюсь продолжительным взглядом с Реминой и коротко киваю, как бы отмечая, что именно её приём считаю великолепным.

– Это Андреа, – представляет Паола своего кавалера. – Мой жених, – добавляет она. В её голосе я не слышу особого энтузиазма.

Андреа галантно кивает и протягивает мне руку. Ну, здравствуй, Андрюша, думаю я, пожимая его ладонь, чувствуя её стальную, как у тисков, силу.

– Как тебе праздник? – интересуется Паола.

– Шикарно. Впервые на таком торжестве.

– Кстати! – вмешивается Мауро. – Пора бы действительно приступить к торжественной части! Надо же, наконец, поздравить нашу именинницу? Простите, но я должен её похитить! – говорит он, подхватывает Паолу под руку и увлекает в центр залы. Андреа, чуть помедлив, отправляется следом за ними.

– Rammollito (Тюфяк), – чуть слышно шипит Ремина ему вслед.

Вот это да! А внешне парень на тюфяка совсем не похож.

Такой крепыш... Интересно, с чего это Ремина так окрысилась? Чем он ей насолил?

В центре залы теперь господствует Мауро. Он громогласно привлекает к своей персоне внимание гостей, а затем провозносит хвалебную оду Паоле. Через слово он то целует ей ручку, то приобнимает, всё плотнее привлекая к себе. Паола, раскрасневшаяся, буквально млеет, принимая знаки внимания. Стоящий рядом Андреа безучастно наблюдает. Ну, точно тюфяк, ловлю я себя на мысли. На его месте я бы уже давно начал работать кулаками, а не стоял, потупив взор. Мало ли, что Мауро ей как отец, но ведь не отец же! Старый ловелас!

В конце речи Мауро картинным жестом извлекает из кармана маленькую малинового цвета коробочку и преподносит Паоле. Паола раскрывает её и восторженно ахает. На секунду она замирает, а потом звонко чмокает Мауро в щёку. Издали подарок рассмотреть не могу, но вполне представляю себе какое-нибудь очаровательное колечко с брильянтиком. Да... вот это и называется «красивая жизнь».

Гости оглашают залу аплодисментами. Мауро взмахивает рукой, на секунду свет гаснет, а когда зажигается вновь, в зале словно материализуются три пары танцоров, облаченных в яркие национальные одежды. Оркестр взрывается ритмом тарантеллы. В течение нескольких минут, постукивая кастаньетами, танцоры стремительно движутся вокруг именинницы. Подчиняясь зажигательному ритму, мои ноги готовы пу-

ститься в пляс. Тоже самое творится и с Реминой. Она то и дело одаривает меня призывными взглядами и порывается броситься к танцующим.

Выступление танцоров оканчивается не менее восторженными аплодисментами. Оркестр переходит на вальс. На этот раз Андреа не плошает и приглашает невесту на танец. Мауро же быстрым шагом возвращается к нам. Но не успевает он подойти, как какой-то бойкий кавалер подскакивает к Ремине и, согнувшись в поклоне, предлагает ей руку. Ремина благосклонно принимает приглашение на танец.

– Вот дьявол! – темпераментно бросает Мауро на ходу. – Увели! Куда же ты смотришь? – осведомляется он, приблизившись ко мне вплотную. – У тебя из-под носа крадут такую женщину!

– Что я, по-твоему, должен был сделать? – наигранно удивляюсь я. – Не пустить?

– А хотя бы и так! – безапелляционно заявляет Мауро.

Минут пять мы безмолвно наблюдаем за вальсирующими парами. Когда музыка умолкает, кавалер отводит Ремину к одному из столиков неподалеку от нас и заводит с ней увлекательную беседу. По-крайней мере, так можно предположить, наблюдая за реакцией Ремины. Она улыбается, кивает и с готовностью поддерживает разговор.

Какое-то время Мауро не отрываясь смотрит на неё, а потом начинает поглядывать по сторонам с откровенно скучающим видом.

– Может, сменим обстановку? – говорит он наконец. –
Есть здесь одно неплохое местечко...

– Можно, – соглашаюсь я.

Кабинет, в который привёл меня Мауро, обставлен со вкусом. У левой стены массивный, но вместе с тем изящный письменный стол, неподалёку от него два глубоких кожаных кресла. На столе оформленный под старину телефон и невысокая лампа на фигурной ножке. В противоположной стене камин с резной решеткой. Вдоль той стены, что напротив входа, стоит высокий книжный шкаф со стеклянными дверями. На его полках нет пустого места. Освещение в кабинете мягкое, не тревожащее глаз, но вместе с тем достаточное для работы с бумагами. Таким, наверное, должен быть кабинет крупного банковского воротилы. Скромность и роскошь, слившиеся воедино.

– Располагайся, – кивает Мауро на кресла.

Пока я усаживаюсь, он подходит к столу, жестом хозяина распахивает дверцу тумбы, на которую опирается столешница, и достаёт пузатую бутылку и два широких низких бокала.

– Неплохой бренди, – рекламирует Мауро. – Будешь?

– Не откажусь.

Мауро разливает напиток по бокалам, передаёт один из них мне, затем усаживается в свободное кресло.

Я пробую бренди. Действительно неплохо. Вкус мягкий, приятно отличающийся от болгарского «Солнечного бере-

га». Распробовав, приканчиваю содержимое бокала одним глотком.

– Нравится? – спрашивает Мауро.

Киваю в ответ.

– Еще?

– Не откажусь.

– Действуй! – указывает Мауро на бутылку.

Не вставая из кресла, я лениво дотягиваюсь до неё. Сквозь матовое стекло видно, что она опустошена на половину. Надпись на этикетке, золотистым по чёрному, гласит «Vecchia Romagna». Наливаю себе.

– Чин-чин! – произносит Мауро, легко касаясь своим бокалом моего.

Сдерживаю улыбку. Меня всегда веселил этот забавный тост. Если разобраться, он нечто вроде нашего «ну, чтобы все...». Вроде и сказать нечего, но и просто так пить не хочется. Правда, перекочевав с исторической родины на бескрайние евро-азиатские просторы, он почему-то всё больше приобретает вульгарный оттенок.

– На самом деле, – говорит Мауро, отпив бренди, – люблю уединение. Балы, приёмы и прочее – не совсем моя среда. Конечно, иногда можно и погулять, я думаю, ты заметил, что это у меня неплохо получается?

Еще бы не заметил, думаю я, а Мауро, не дожидаясь ответа, продолжает:

– Но это не более чем желание сделать приятное кому-то

из близких. Захотела Паола повеселиться, почему бы нет? Да, кстати, – спохватывается Мауро, – это кабинет Романо, – он обводит рукой пространство вокруг себя и добавляет: – отца Паолы. Когда-то я частенько здесь бывал, а сейчас – лишь по случаю. Интересный был человек, – вздыхает Мауро. – Видишь книги? – указывает он на шкаф. – Романо собирал. Отыскивал самые лучшие, денег на них не жалел. Считал, что в книгах собрана вся премудрость мира. Добро и зло. Всё, что накапливается в людях, рано или поздно, через кого-нибудь из них выплёскивается на бумагу, любил говорить Романо. И к чёрту историков с их личными предпочтениями, их домыслами и желанием угодить властям! Открой Боккаччо, Альгаротти, Коллодио и ты узнаешь, чем жила Италия тех времён! Открой Джонсона или Киплинга – и вот перед тобой подноготная Англии. Так он считал.

– Хм, при таком подходе легко прийти к выводу, что сейчас мы по уши в дерьме, – выдаю я, настраиваясь на философский лад. – Такое выплёскивается...

– Да что ты говоришь, неужели всё так плохо? – хмурится Мауро.

– На мой взгляд, хуже некуда, по крайней мере, у нас. А у вас всё в порядке?

Прежде чем ответить Мауро несколько секунд ерзает в кресле.

– Понимаешь, Денис, – говорит он, устроившись поудобнее, – если говорить о литературе, я совершенно не слежу

за нашими нынешними классиками жанров. Знаю, что пишут и пишут много, но что именно... Хочу почитать, но никак не выберу время. Теперь вот слушаю тебя и думаю, а может и не стоит себя расстраивать?! – усмехается он.

Я поддерживаю его, слегка приподнимая уголки губ.

– Значит, дерьмо? – уточняет Мауро, совершенно не морщась, как по моему представлению должен был сделать. Всё-таки человек с изрядным налётом аристократизма.

– Угу, – отзываюсь я.

– Не преувеличиваешь? Может, не всё так страшно? Перебесятся, пройдёт?

– Сомневаюсь.

– Почему?

– Чтобы прошло, надо, чтобы было куда проходить.

Брови Мауро изгибаются, придавая лицу недоумённое выражение.

Поняв, что выразился слишком витиевато, я спешу пояснить:

– Нет ориентира. Двигаться назад смысла нет, а вперёд... Не видно, куда идти. Топчемся на месте, а время идёт. Это и пугает. А на голову льют и льют всё это... без остановки... Кто-то точно подметил, что человек быстро ко всему привыкает. Боюсь, привыкнем и к дерьму. Тем более что им пичкают с утра до ночи, поминутно доказывают преимущества одного дерьма перед другим. Нет ему противовеса, не за что уцепиться, чтобы не свалиться в выгребную яму. Вернее, по-

что не за что. Кое-какие проблески разума ещё бывают, но их слишком мало, и как-то уж слишком быстро они гаснут. Подозреваю, что принудительно, чтоб пламени не возгорелось из искры, – продолжаю я, распаяясь. – По всем каналам – дерьмо, на всех прилавках – оно же. Одни ещё нос воротят, умных из себя строят, а другие уже пристроились и с аппетитом потребляют. Чую я, что вскоре две эти категории сольются, причём не в пользу первой. И тогда даже высококобылый профессор, когда-то тонко споривший о преимуществах Булгакова перед Достоевским и Меньшова перед Быковым, с пеной у рта будет отстаивать, что фильмы Даши Срашкиной и книжки Вани Сидорчука – верх изыска и апогей совершенства.

Теперь Мауро морщится.

– Даши... э-э-э... Даши... – пытается выговорить он. – Эта дама – популярный режиссёр?

– Я абстрактно выразился, мало ли, как дерьмового режиссёра зовут.

Мауро печально улыбается.

– Понимаю твоё беспокойство, – задумчиво произносит он.

Несколько минут мы сидим молча. Я мелкими глотками пью бренди, еще глубже погружаясь в невесёлое раздумье. Мауро тоже о чём-то размышляет.

– Ха! – наконец восклицает он, заставив меня вздрогнуть и вернуться к реальности. – Всё в твоих руках!

– Хочешь сказать, ты знаешь, что делать?

– Узнаю русского! – смеётся Мауро. – Теперь у вас полагается спросить, кто виноват?

Я кисло улыбаюсь ему, мол, типа того.

– Тем не менее, я могу предложить вариант! – уверенно заявляет он.

– Я весь внимание.

– Не сиди, сложив руки, а действуй! Для начала попытайся немного думать! Научись разбирать, что тебе предлагают – первый или второй сорт. А затем расскажи об этом соседу. Постарайся убедить его. Научи своих детей. Дай им ориентир! В конце концов, с самого начала привей им стойкий рефлекс «не жрать без разбора всё, что тебе суют»! Вот так вот.

– Ну и?

– Что «ну и»? – раздраженно переспрашивает Мауро. – Чем больше людей включит мозги, тем сложнее производителям дерьма станет его сбывать! Надеюсь, про законы экономики ты слышал?

– Ты думаешь, все смогут научиться выбирать между плохим и хорошим? – спрашиваю я неуверенно.

– Естественно, не все. А кому-то вообще нравится кушать отходы. Такие находятся в любом обществе, но в нормальном счёте им идёт на единицы. Так помоги своему обществу стать нормальным!

Как же всё правильно, как всё элементарно за бокалом

хорошего бренди. Легко сказать «помоги», забыв про сотни «если» и «но», мысленно вздыхая я. Но с другой стороны, ели не я, то кто? Уж Мауро точно не бросится на помощь утопающей в дерьме России, у него своя Родина.

– Да, вот еще что, – произносит Мауро вкрадчиво, – надеюсь, ты готов взять на себя ответственность определять, что хорошо, а что плохо? И понести наказание в случае ошибки?

Готов ли я?.. Наверное, да. Но, а что если действительно ошибусь: назову хорошее плохим, а чёрное белым? Вероятность этого исключить нельзя. И что? А то, что случись она, эта вероятность, и я тоже стану производителем дерьма... И как же быть? Неужели просто, наплевав на возможность ошибки, пойти напролом, сказать: «Вот она моя правда, следуйте ей, и всё будет замечательно»? Наверное, так... А как иначе? Кто-то же должен попробовать найти выход?! Попытаться направить людей туда, куда идти стоит, пусть трудно, но есть ради чего. Кто-то должен взять на себя ответственность, без этого не обойтись.

– Может, вернемся к гостям, развеемся немного? – спрашивает Мауро, вновь выводя меня из задумчивости. – Ты что-то совсем загрустил.

– Знаешь, я бы лучше вернулся в отель.

– В отель?

– Если это возможно.

– Тебе у нас не понравилось? – настораживается Мауро.

– Нет, что ты! Всё замечательно! – спешу успокоить его. –

Просто среди всего этого великолепия чувствую себя... – я запинаюсь, пытаюсь подобрать слова, подходящие под ощущения, – не в своей тарелке. Не светский я человек.

– Ну почему же?! Совсем не плохо держишься.

– И всё же я хотел бы уехать.

– Как пожелаешь... – На лице Мауро читается лёгкое недоумение.

– На меня никто не обидится? – интересуюсь из вежливости. Конечно, я на сто процентов уверен, что моё исчезновение не будет замечено, но ради приличия стоит осведомиться.

– Не забивай голову. Значит, точно решил покинуть нас?

– Да.

Мауро отталкивается руками от подлокотников кресла, резко встаёт и подходит к телефонному аппарату. Пока Мауро отдаёт распоряжения о машине, я ловлю себя на мысли о том, что единственное, что могло бы меня удержать здесь, вернее, кто мог бы меня удержать, – это Ремина. Воспоминание о ней вызывает у меня неестественную эйфорию, заставляет сердце биться с частотой отбойного молотка. Удастся ли мне встретиться с ней еще хотя бы раз? Аромат её духов до сих пор кружит мне голову. А уж о том, как она коснулась моей обнаженной спины, я и вспоминать боюсь. На многое бы я решился, чтобы вновь оказаться наедине с ней в той крохотной комнатке с такой огромной кроватью.

– Идём, – зовёт меня Мауро, положив телефонную трубку

на рычаг.

...На улице свежо. Мы стоим на ступенях у входа в дом. Увитая зеленью вилла будто что-то нашептывает в ночи листвою растений.

– Прощаться за тебя с дамами? – осведомляется Мауро.

– Конечно. И передай Ремине мою благодарность, она буквально спасла меня.

– Передам.

За решеткой ограды, поблёскивая тонированными стёклами, проплывает всё тот же белый лимузин. Останавливается у ворот и даёт короткий сигнал. Я бросаю прощальный взгляд на окна. Там за шторами в ярко освещенной зале сейчас танцует Ремина или, может быть, кокетничает с галантным кавалером.

А мне пора ехать.

На прощание обмениваюсь с Мауро крепким искренним рукопожатием. Всё-таки по его милости я сегодня попал в почти что сказку.

– И ещё поблагодари хозяйку дома, хоть мне и не довелось с ней познакомиться, – говорю я напоследок, стараясь быть учтивым до конца. Мол, видели мы кино про аристократов, знаем, как у вас заведено.

Мауро пожимает плечами.

– Или ты плохо говоришь по-итальянски, или я что-то не понимаю! – удивлённо произносит он. – Почему не удалось познакомиться?

– Ты меня не представил!

– Ведь ты сам... – растерянно произносит Мауро. – Подожди! – оживляется он. – Ты не догадался?!

– О чём?

– А кто, по-твоему, Ремина?!

Тут я ощущаю легкий укол под сердцем. Неужели? Ну, конечно же, мелькает мысль, вся эта затея с переодеванием... стала бы Ремина так распоряжаться в чужом доме? Вот оно что! Вдова миллионера. Владелица огромного состояния. А Паола, выходит, её дочь. От этих догадок мои виски словно сдавливают стальной обруч, а ноги делаются ватными, грозя предательски подломиться в коленях.

– Сколько же ей лет?.. – едва слышно выдыхаю я.

– Денис, что с тобой? – Голос Мауро звучит так, будто уши мои набиты ватой. – Ты в порядке?

– Да... конечно...

***

Плыву, широко загребая руками. Вода держит так, что утонуть практически невозможно. Хочется плыть и плыть, пока хватит сил. Впереди голубой горизонт, сзади далёкая полоска берега. Волны набегают слева наискосок. Иногда одна из них захлёстывает меня с головой. Тогда я фыркаю, отплёвываюсь и жмурюсь, подставляя лицо солнцу и ветру, чтобы они поскорее обсушили его. Соль беспощадно ест глаза. Чёрное море на этот счёт гораздо милосерднее.

Ночью почти не спал. В редкие минуты забыться мне являлась Ремина. Из-под полумаски она испытующе-лукаво смотрела не меня и звала... Звала в ту самую комнату... И я, не в силах отказать, шел за ней, с трудом переставляя ватные ноги. Но как только мы поднимались по винтовой лестнице на второй этаж, нас встречал Мауро. «Ты не догадался?» – ехидно спрашивал он меня, и я просыпался, терзаемый одним и тем же вопросом: «сколько же ей лет?». И сейчас этот вопрос не даёт мне покоя. Разве можно угадать в Ремине умудрённую опытом женщину, мать двадцатилетней дочери? Это кажется мне просто невероятным. На вид Ремина едва ли старше меня! Но... что я хочу? Большие деньги дают шанс хорошо выглядеть в любом возрасте... Месяц назад мне исполнился тридцать один год, всего лишь тридцать один! И мне надо, во что бы то ни стало, выбросить Ремину из головы, не хватало сохнуть по старухам, пусть и хорошо сохранившимся! Так я решил ещё под утро, когда оранжевый диск солнца осторожно показался из-за горизонта, а я потерял всякую надежду выспаться. Так я решил... Но вот сейчас в тёплой воде Лигурийского моря опять думаю о Ремине вместо того, чтобы по полной программе получать удовольствие от купания!

Я делаю глубокий вдох и резко ныряю под высокую волну. С гулом она проносится надо мной и с глухим хлопком разваливается где-то позади, породив несколько волн поменьше. Вынырнув на поверхность, я ожесточённо мотаю голо-

вой, не давая стекающей с волос воде попасть в глаза. Откидываюсь на спину. Дышу как можно глубже. Отдыхаю, стараюсь полностью освободить сознание от мыслей. Небо над мной кажется безумно далёким, совсем не таким, как у нас, – пусть даже в самую ясную погоду. Новая высокая волна поднимает меня на своём хребте, и, прежде чем рухнуть вниз, вдали я замечаю белое пятно. Оно на столько мало, что я принимаю его за облако у горизонта. Но постепенно пятно увеличивается и вскоре превращается в корабль. Я с интересом наблюдаю за ним. Ветер усиливается, волны начинают расти, а корабль приближается всё быстрее. И вот я уже вижу огромную бело-голубую двухпалубную яхту, которая, обгоняя волны, разрубая их килем, движется к берегу. Яхта проходит так близко, что на нижней палубе я могу отчётливо рассмотреть полуголого загорелого до черноты мужчину. Он машет мне рукой.

– Всё в порядке, сеньор? – выкрикивает он. – Вы далеко заплыли! Помощь нужна?

– Всё отлично! – отвечаю я. – Сам справлюсь!

Миновав меня, яхта поворачивает, становясь левым бортом вдоль берега, и на её корме я читаю название: «Ремина».

– Да что же это такое! – восклицаю я и ударяю ладонью по воде. – Наваждение какое-то!

Рывком я переворачиваюсь со спины на живот и устремляюсь к берегу «кролем». Тело гудит от напряжения, лёгкие работают на полную мощность. Мгновениями я чувствую,

что вот-вот задохнусь, но темп не сбавляю, полностью вкладываюсь в заплыв, думая лишь о том, что нужно плыть как можно быстрее.

Наконец, ноги касаются дна, и я выбегаю на берег. Со всего маху падаю на мокрый песок у воды. Дышу надсадно, временем срываясь на хрип. В висках бухает. Накатывающиеся на берег волны захлёстывают меня по пояс.

Немного отдышавшись, осматриваю пляж. Чуть поодаль пара пенсионного возраста занимается гимнастикой. Мужчина в длинных шортах, над которыми нависает солидное брюшко, женщина в цветастом купальнике. Больше никого. Основная масса отдыхающих, нарезвившись за ночь в барах и на дискотеках, еще спит.

Лежу, не считая времени, бездумно смотрю на пенсионеров. Те возьмется по-своему, выполняют незамысловатые упражнения. По лицам видно, что это доставляет им настоящее удовольствие. Солнце постепенно прогревает воздух. После бессонной ночи меня начинает смаривать. Когда глаза мои почти совсем слипаются, перед моим носом, выбрасывая из-под себя мокрый песок, мелькает пара миниатюрных ступней. Наверняка бежит женщина, но даже посмотреть ей вслед, чтобы полюбоваться несомненно упругой спортивной попкой, лениво. Вслед за первой парой ступней появляется вторая – гораздо крупнее, а потом и третья – совсем маленькие. Сон уходит. Оттолкнувшись руками от песка, я встаю на колени и смотрю вслед бегунам. Первой бежит высокая

стройная женщина, за ней мужчина, чуть ниже её ростом, а за ним мальчик.

Ладно, пойду в номер. Заплыв изрядно вымотал меня, может, теперь удастся заснуть.

В холле отеля меня ко мне подходит портье.

– Господин Стрельников? – уточняет он по-английски.

– Да.

– За вами приезжала машина.

– Машина?! – удивляюсь я. – Вы уверены, что за мной?

– Водитель назвал ваше имя.

– Что за машина?

– Белый «Ролс-Ройс».

– Меня интересует, кто её прислал, – уточняю я.

– Это мне не известно, – виноватым тоном произносит портье. – Я не стал уточнять, думал, вы знаете, кто за вами посылает...

...К себе в номер я поднимаюсь по лестнице и в изрядной задумчивости. Кто это заинтересовался моей персоной настолько, что присылает машину, да не простую, а «Ройс»? Единственный, кого могу заподозрить, – это Мауро. Но зачем я ему опять понадобился? Хочет затащить на очередное семейное торжество? Ну уж нет. Увольте. Идите вы с вашими смокингами и фраками... А я как-нибудь джинсами обойдусь... Ох ты! А ведь я вчера уехал не переодевшись, – внешне осеняет меня. Как же я до сих пор об этом не вспом-

нил? Значит, мои поношенные шмотки остались у Ремины, а мне достался шикарный костюмчик...

– Выгодный обмен! – усмехаюсь я вслух и вхожу в номер.

Но тогда вполне возможно, что машина приезжала за костюмом. Ведь он наверняка дорогой. Может, даже от какого-нибудь Кардена. Проснувшись Ремина по утру, спохватилась, что вчерашний русский смылся, прихватив вещички, и послала водителя забрать. Но откуда ей известно, где я живу? Разве что Мауро рассказал или Паола? Ну да, они знают.

Едва успеваю принять душ, как в номер без стука входит Паша.

– Где шлялся? – спрашивает он недовольно. – Замотался тебе стучать!

– Купаться ходил.

– А меня чего не позвал?

– Рано было, думал, спишь еще. – Я внимательно присматриваюсь к Павлу и, отметив его несколько потрепанный вид, ехидно интересуюсь: – Или ночь была бессонной?

Паша морщится и выразительно машет рукой.

– Какой-то ты недовольный... – подмечаю я. – Опять осечка?

– Угу, – смущённо бурчит Павел.

– Как же ты так?

– Да хрен его знает! – восклицает Паша. – Всю ночь на балконе просидели, звёздами любовались...

Прямо скажу, Паша изрядно удивляет меня своим инте-

ресом к Мариночке. И что он в ней нашел? Пустышка ведь самая настоящая. Смазливая конечно. Но мало что ли красивых женщин?

– И за всю ночь ты не проявил никакой активности? – спрашиваю я. – Ты же Дон Гуан в русской версии. Мариночки должны штабелями падать к твоим ногам.

– Понимаешь... – мнётся Паша, – не знаю, что со мной. Такие женщины были у меня... такие, – он мечтательно закатывает глаза, – а тут, как школьник на первом свидании... Только и смог за плечи обнять.

– Слушай, а может это любовь?

– Да иди ты, – вяло отмахивается Павел, и тут же возбужденно восклицает: – Какая нахрен любовь? К кому?

Это он точно подметил.

– Хотя... не знаю... – сникает мой приятель и умолкает, не окончив фразу.

Приплыли. Советовал я ему бросить эту особу, но больше не стану. Пусть сам разбирается, не маленький.

– Как у тебя-то дела? – меняет Паша тему разговора. – Хорошо погулял?

– Вполне.

– За Паолой приударил? – оживляется Паша, и в глазах его загорается озорной огонёк.

– Там кроме меня желающих хватало.

– Понятно, – говорит Паша тоном, дающим понять, что ничего иного он от меня не ожидал.

– Гостей много было, кормили хорошо?

– По полной программе, – отвечаю я неопределенно.

– Ясно... Не хочешь рассказывать, не надо...

– Не обижайся, ладно? – Мне действительно не хочется вспоминать о вчерашнем. – Как-нибудь потом.

– Как скажешь. Пойдем завтракать?

Прежде чем выйти из номера, я собираю в охапку полученную от Ремины одежду и запихиваю её в целлофановый пакет с логотипом «Дьюти Фри». Спустившись в холл, подхожу к портье.

– Чем могу служить? – с готовностью спрашивает он.

– Если машина придет опять, спросите у водителя, не это ли ему нужно, – говорю я и вручаю портье пакет с одеждой.

Принимать пищу в нашем отеле можно либо в просторном зале ресторана, либо под открытым небом на веранде. Конечно же, при хорошей погоде большинство отдыхающих предпочитают второй вариант. Поэтому к нашему приходу все столики на веранде оказываются занятыми. Завтрак проходит по принципу шведского стола – ешь сколько хочешь. Сегодня на выбор предложены разнообразные салаты, крупные маслины, варёные яйца, сыр, фрукты и, конечно же, итальянская паста. Накладываем на тарелки всё, что приглянется, и усаживаемся за стол. Едим не спеша, запиваем минералкой. Покончив с трапезой, отправляемся к бассейну. Располагаемся в шезлонгах. Бассейн огромный, он разделен

на две части – одна глубокая, другая помельче. Лежим молча, смотрим на воду. Постепенно к бассейну подтягиваются отдыхающие. Всё громче звучит многоголосый детский смех. Малышня и взрослые с шумом барахтаются в воде. В центре бассейна сооружен бар. Можно подплыть и заказать коктейль и лёгкую закуску. Из бара доносится музыка. Вокруг бассейна посажены кусты, цветущие крупными ярко-красными цветами. Красота. Тепло, светло, можно лежать и ни о чём не думать. От куста к кусту ходит мужчина лет под сорок с большим полиэтиленовым мешком и садовыми ножницами. Следуя ведомому лишь ему принципу, он отрезает у куста ту или иную ветку, не забывая обрывать у цветков подсохшие лепестки.

– Вот работа, – произносит Паша, лениво ковыряясь в зубах зубочисткой. – Не бей лежачего. Мне б такую. Обрывай лепестки и больше никаких тебе забот...

– А ещё лучше – совсем не работать, – усмехаюсь я.

– Ага.

– Неужели надоело? – язвительно осведомляюсь я.

– Не то чтобы надоело. Тут дело в другом, – задумчиво говорит Паша. – Чем больше работаю, тем чаще задумываюсь о том, что работаю не на себя, а на чужого дядю. Кто там сказал?.. – запинается Павел. – Короче, не важно кто, но сказал правильно: «Надоело вращать жернова чужих мельниц».

Вот тебе раз! – мысленно изумляюсь я. Оказывается, мой приятель разделяет жизненную позицию известного поэта.

– Ну так бросай! – подначиваю я Пашу.

– Бросил бы, но кушать хочется, – вздыхает он.

О, как ты прав, друг мой! И я бы бросил, но надолго ли? Скорее всего, до первых холодов... И вращать надое-ло, и деться от этого некуда. Навеки мы скованы необходи-мостью ходить на работу. Работа. Рабочий. Раб. Вот такая у меня выстраивается цепочка. И можно конечно поспорить. Сказать, что строй-то теперь далеко не рабовладельческий и право не крепостное... А что изменилось после отмены рабовладельческого строя и крепостного права? По большо-му счёту – ничего. Ну, разве что не может барин забавы ра-ди убить или покалечить. А так... Как и раньше, есть хозя-ева, и есть рабочие. Как и раньше, хозяева сами не пашут и не жнут. Нанимают рабочих. Рабовладельцы, князья, ба-рья, наниматели. Теперь им даже проще живётся, ведь ра-бочих не нужно содержать, давать им кров, как было при том же крепостном праве, когда какой-никакой, а домишко работнику строили. Сейчас можно отделяваться подачками в виде зарплаты. А уж если учесть, что и эти жалкие подачки стараются всячески урезать и зажать, то...

– Пора освежиться! – восклицает Паша и, хлопнув меня по плечу, вскакивает с лежака.

Отбросив невесёлые мысли, спешу за приятелем. С разбе-га ныряю в бассейн. Прохладно – словно миллион иголок впивается в кожу. Но после нескольких мощных движений руками и ногами становится теплее. Плыву под водой, при-

открыв глаза, жмусь к выложенному цветной плиткой дну. Лавирую между множеством ног, стараюсь проплыть, как можно дальше. Вынырываю посреди бассейна у бара. Паша оказывается неподалёку.

Заказав по коктейлю «Виски-Кола», мы усаживаемся у барной стойки на торчащие из воды стульчики.

– Какие планы на день? – спрашивает Паша, на просвет любуясь темной пузырящейся жидкостью в высоком узком стакане – чуть шире медицинской мензурки.

– Никаких, – отвечаю честно.

– Значит, будем бездельничать.

Он ставит стакан на стойку, взбирается на стульчик и ныряет с него в воду. Я заказываю ещё один коктейль.

Пока Паша беззаботно плещется среди отдыхающих, музыка, звучащая из бара, становится всё громче. Вскоре у бассейна появляется смуглый мускулистый парень в полосатых спортивных трусах и оранжевой бейсболке. В руках он держит микрофон. Объявляет:

– Дамы и господа, настало время водной аэробики.

Положив микрофон на свободный лежак, парень бежит вокруг бассейна и по пути скидывает в него всех, кто не особо сопротивляется. Предпочтение отдаёт молодым девушкам. Те с визгом плюхаются в воду, а одна из них падает чуть ли не на голову Паше. Он реагирует мгновенно: отступает в сторону и подхватывает её на руки. От неожиданности девушка вскрикивает и обхватывает Павла за шею. Ни на се-

кунду не сомневаюсь, что теперь этот ловелас попробует воспользоваться ситуацией для заведения знакомства. Так и выходит. Состроив мужественную физиономию героя-спасателя, Паша что-то говорит в испуганное личико незнакомки. Что именно, из-за гомона купающихся, я не слышу. Девушка растерянно улыбается ему в ответ. Павел произносит ещё что-то. Девушка продолжает улыбаться, но теперь на лице её нарисовано откровенное непонимание. Видимо, по-русски она, как говорится, ни бельмеса. Я оставляю их объясняться языком жестов и вылезаю из бассейна.

Подойдя к лежакам, натыкаюсь на Мариночку. В руках она держит большую тарелку с виноградом.

– Привет!

– А я смотрю, вроде, ваши вещи лежат... – говорит она вместо ответного приветствия.

Я подтаскиваю свободный лежак поближе к нашим:

– Располагайся.

Мариночка садится, закидывает ногу за ногу. Протягивает мне тарелку:

– Угощайся.

Беру массивную гроздь, отрываю от неё ягоду и с удовольствием кладу в рот.

– А Паша где? – интересуется Мариночка.

– Где-то там, – указываю я на бассейн.

Там творится спортивная вакханалия. Массовик-затейник в бейсболке что есть мочи дует в свисток и выкрикива-

ет команды, а отдыхающие не совсем слаженно выполняют незатейливые упражнения: хлопают ладонями над головой, подпрыгивают на месте и приседают. Взглядом отыскиваю Павла. Он с энтузиазмом скачет рядом с новой знакомой.

Когда сеанс аэробики заканчивается, Паша со «спасённой» им девушкой усаживаются на бортике бассейна. Активно жестикулируя, Павел пытается что-то рассказывать. Девушка отвечает ему заливистым смехом.

До сих пор апатично посматривающая на бассейн, Мариночка оживляется. Отставив тарелку с виноградом, устремляет гневный взгляд на воркующую парочку. Сейчас что-то будет, усмехаюсь я про себя. Но вопреки моим ожиданиям, Мариночка не бросается выяснять, что это за девицу подцепил её ухажёр. На лице Мариночки нарисовано возмущение. Она ёрзает на месте, а Паша у бассейна переходит к активным действиям – обнимает новую подружку сначала за плечи, а спустя минуту – за талию. Девушка пытается освободиться от объятий, но не слишком настойчиво.

Чаша Мариночкиного терпения переполняется. Возмущённо фыркнув, она вскакивает и быстро удаляется в сторону пляжа.

– Женщины просто рвали его на куски, – тихо произношу я ей вслед. Чёрт, да ведь я просто завидую Пашке! С какой лёгкостью он умудряется отыскать подход к женщине. Еще полчаса назад совершенно незнакомая с ним особа теперь просто-таки заглядывает ему в рот.

Девушка у бассейна действительно с интересом слушает всё, что говорит Павел. Она уже не старается отстраниться, а, напротив, жмётся к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.